

05

СТУДІЯ ЖУРНАЛЪ ИСКУССТВА И СЦЕНЫ

Москва, 24 декабря 1911 г.

№ 13

ЦѢНА 25 к.

Слѣд. № выйдетъ 5-го января.

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ журнала „СТУДІЯ“.

Главная контора журнала „СТУДІЯ“ имѣетъ честь увѣдомить Гг. подписчиковъ на 3 мѣсяца, что срокъ ихъ подписки кончается. Во избѣжаніе перерыва въ полученіи журнала просимъ озаботиться возобновленіемъ подписки.

Театръ К. НЕЗЛОБИНА.

Телеф. 71-61.
(ТЕАТРАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ).

РОЖДЕСТВЕНСКІЙ РЕПЕРТУАРЪ:

Въ Понедѣльникъ, 26-го Декабря, УТРОМЪ: Бумъ и Юла.
ВЕЧЕРОМЪ: Въ Золотомъ домѣ.
Во Вторникъ, 27-го Декабря, УТРОМЪ: Мѣщанинъ-дворянинъ. ВЕЧЕРОМЪ: Орленокъ.
Въ Среда, 28-го Декабря, УТРОМЪ: Бумъ и Юла. ВЕЧЕРОМЪ: Частное дѣло и Безкорыстный другъ.
Въ Четвергъ, 29-го Декабря, УТРОМЪ: Бумъ и Юла. ВЕЧЕРОМЪ: Женщина и Паяцъ.
Въ Пятницу, 30-го Декабря, УТРОМЪ: Бумъ и Юла. ВЕЧЕРОМЪ: Новый жрецъ и Безкорыстный другъ.
Въ Субботу, 31-го Декабря, УТРОМЪ: Бумъ и Юла. ВЕЧЕРОМЪ: Въ Золотомъ домѣ.
Въ Воскресенье, 1-го января 1912 г., УТРОМЪ: Орленокъ. ВЕЧЕРОМЪ: Мѣщанинъ-дворянинъ.

Въ Понедѣльникъ, 2-го Января, УТРОМЪ: Бумъ и Юла. ВЕЧЕРОМЪ: Новый жрецъ и Безкорыстный другъ.
Во Вторникъ, 3-го Января, УТРОМЪ: Бумъ и Юла. ВЕЧЕРОМЪ: Женщина и Паяцъ.
Въ Среда, 4-го Января, УТРОМЪ: Бумъ и Юла. ВЕЧЕРОМЪ: Въ Золотомъ домѣ.
Въ Пятницу, 6-го Января, УТРОМЪ: У Царевны Динь. ВЕЧЕРОМЪ: Мѣщанинъ-дворянинъ.
Въ Субботу, 7-го Января, УТРОМЪ: Бумъ и Юла. ВЕЧЕРОМЪ: Новый жрецъ и Безкорыстный другъ.
Въ Воскресенье, 8-го Января, УТРОМЪ: У Царевны Динь. ВЕЧЕРОМЪ: Орленокъ.

ПОДРОБНОСТИ ВЪ АФИШАХЪ.

Билеты продаются въ кассѣ театра отъ 10 ч. утра до 8 ч. вечера. 24-го Декабря касса открыта до 6 час. вечера.
25-го ДЕКАБРЯ КАССА ЗАКРЫТА. Пом. Директора П. Мамонтовъ.

„ТЕАТРЪ МИНИАТЮРЪ“

Тверская ул., Мамоновскій пер., домъ Шаблыкина.

Дирекція М. АРЦЫБУШЕВОЙ.

ВЪ ВЕЧЕРЪ ТРИ СПЕКТАКЛЯ.

Начало 1-го представленія въ 7¹/₂ час. вечера, 2-го — въ 9 час. вечера и 3-го — въ 10¹/₂ час. вечера. Окончаніе около 12 час. ночи. Каждый спектакль состоитъ изъ 3-хъ самостоятельныхъ музыкально-драматическихъ и балетныхъ пьесъ.

ЦѢНЫ МѢСТАМЪ отъ 1 р. 50 к. до 40 к. Билеты продаются съ 11 час. утра въ кассѣ театра

ТЕЛЕФОНЪ 311-58.

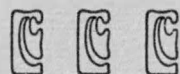
ТЕЛЕФОНЪ 311-58.

МАРШРУТЪ ГАСТРОЛЕЙ

РАФАИЛА АДЕЛЬГЕЙМЪ

Декабрь 1911 г.—Январь 1912 г.:

Кишиневъ съ 26-го по 1-е.

Администраторъ А. Г. Задонцевъ.

26-го ДЕКАБРЯ въ 12 ч. дня ВЕРНИСАЖЪ

ПЕТЕРБУРГСКОЙ ВЕСЕННЕЙ ВЫСТАВКИ (ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ).

ПЛАТА ЗА ВХОДЪ НА ВЕРНИСАЖЪ 1 РУБ. ВЪ ПОСЛѢДУЮЩІЕ ДНИ ВЫСТАВКА ОТКРЫТА СЪ 10 Ч. ДО 5 Ч. ДНЯ. ПЛАТА ЗА ВХОДЪ 50 К. УЧАЩІЕСЯ ВЪ ФОРМѢ 25 К.

ПЕТРОВКА, САЛТЫКОВСКІЙ ПЕР., Д. № 8, ГАЛЛЕРЕЯ ЛЕМЕРСЬЕ. ТЕЛЕФОНЪ 169-37.

СТУДІЯ

№ 13.

24-го Декабря.

1911 г.

СОДЕРЖАНИЕ: 1) Народныя потѣхи на Москвѣ въ концѣ XVIII вѣка, статья В. Сахновскаго; 2) Наполеоновскій театр въ Москвѣ, статья О. Мускатблита; 3) Гамлетъ въ освѣщеніи новѣйшей критики, статья Санны; 4) Іосифъ Кайницъ въ Гамлетѣ, статья І. Кордеса; 5) „Новый жрецъ“, пьеса Крашенинникова, отз. В. Сахновскаго; 6) Концертная недѣля, статья Риземана; 7) „Борисъ Годуновъ“, отз. Риземана; 8) Художественныя выставки, статья Д. Варпаева; 9) Г. Мясоѣдовъ, некрологъ Д. В.; 10) Международный конкурсъ моделей памятника Императору Александру II въ С.-Петербургѣ, отз. В. Войнова; 11) „Плоды просвѣщенія“—въ гостяхъ у Л. Н. Толстого, фельетонъ В. Ермилова; 12) „Два гренадера“, стих. А. Ник. В—скаго; 13) Хроника; 14) Провинція; 15) Наши приложенія: карт. И. И. Захарова „Группа дѣвушекъ“; карт. М. Е. Харламова „Сказки ночи“; Двѣ декорации „Новый жрецъ“ и „Безкорыстный другъ“; „Старинный балаганъ“ и „Подъ Новинское“, „Хоръ московскихъ цыганъ“, старинныя литограф. кн. Гагарина; „Бѣгство французовъ изъ Москвы“, рис. Венеціанова. Портреты: Каратыгина, Южина, Роб. и Раф. Адельгеймовъ въ роли Гамлета“. Рудницкій въ роли новаго жреца; Двѣ зарис. Деве и Эльскаго изъ пьесы „Новый жрецъ“.

НАРОДНЫЯ ПОТѢХИ НА МОСКВѢ ВЪ ПОЛОВИНѢ XVIII ВѢКА.

НѢКОГДА въ Москвѣ пребы-
вало неслужащее боярство,
вельможи, оставившіе дворъ,
люди независимые, безпеч-
ные, страстные къ безвред-
ному злорѣчью и къ деше-
вому хлѣбосольству. Нѣ-
когда Москва была сбор-
нымъ мѣстомъ для всего
русскаго дворянства, кото-
рое изъ всѣхъ провинцій
сѣзжалось въ нее на зиму.

Блестящая гвардейская мо-
лодежь налетала туда же изъ Петербурга. Во всѣхъ
концахъ древней столицы гремѣла музыка и вездѣ
была толпа... Невинныя странности москвичей были при-
знаніемъ ихъ независимости. Они жили по-своему, заба-
влялись какъ хотѣли, мало заботясь о мнѣніи ближняго.
Бывало богатый чудакъ выстроить себѣ на одной изъ
главныхъ улицъ китайскій домъ съ зелеными драконами,
съ деревянными мандаринами подъ зелеными зонтиками.
Другой выѣдетъ въ Марьину Рошу въ каретѣ изъ кован-
наго серебра 84 пробы. Третій на запяткѣ четырехмѣ-
стныхъ саней поставитъ челоуѣкъ пять араповъ, егерей
и скороходовъ—и цугомъ тащится по лѣтней мостовой.
Но этимъ ли только чудила и забавлялась Москва въ
восемнадцатомъ вѣкѣ, тѣмъ ли однимъ, о чемъ разска-
зываетъ Пушкинъ, отвѣтствуя творцу „горькихъ полу-
истинъ“ Радищеву на его восхищенный привѣтъ Москвѣ.
Когда писалъ Пушкинъ, жизнь Москвы какъ-то затихла:
„подмосковныя деревни,—писалъ онъ,—пусты и печальны:
роговая музыка не гремитъ въ рошахъ Свирилова и
Останкина; плошки и цвѣтные фонари не освѣщаютъ
англійскихъ дорожекъ, нынѣ заросшихъ травой, а бывало
установленныхъ миртовыми и померанцевыми деревьями.
Пыльные кулисы домашняго театра тлѣютъ въ залѣ,
оставленной послѣ послѣдняго представленія французской
комедіи. Барскій домъ дряхлѣетъ“. Но когда писалъ

Радищевъ и раньше, во время, о которомъ поведемъ
рѣчь, Москва и подмосковныя жили совершенно своей
давнишней исконной жизнью, и въ самомъ характерѣ
праздника, въ самомъ весельѣ, представленіяхъ, зрѣли-
щахъ, Москва сохраняла свою типичную старину. Тотъ
отпечатокъ на всѣхъ московскихъ, то сохранявшееся въ
ней невыразимое, что дожило до времени Аксаковыхъ,
Гоголя, Островскаго, что передавалось изъ поколѣнія въ
поколѣніе, съ первой половины XVIII вѣка начало бо-
роться со всѣмъ навѣяннымъ, несшимся съ Запада.
Но Москва медленно уступала этому западному и ста-
рина долго еще сохранялась въ народномъ быту ея и
въ той особенной атмосферѣ барскихъ московскихъ хо-
ромъ, которыя были также убѣжищемъ всего стариннаго
и исконнаго. Это крѣпкое старинѣ, съ „осмнадцатаго“
вѣка начало переламываться. Въ жизни народныхъ за-
бавъ по Москвѣ развѣтывалась во всю ширь стихія,
которая захватывала всѣ слои, сближавшая, уже разор-
вавшіе съ народомъ, господствующіе классы съ „под-
лыми“. Въ простой незатѣйливости праздничныхъ пред-
ставленій Москва сливалась въ одно—отъ питейныхъ до-
мовъ, „фартинъ“ винныхъ компанейщиковъ, бывшихъ
кружалъ (кабаковъ)—до лакейской и дѣвичьей любого
господскаго дома, съ широкими дворами, садами, пру-
дами гдѣ-нибудь на Разгуляѣ или Гороховомъ полѣ, гдѣ,
въ дѣвичьихъ этихъ домовъ, столпившись, смотрѣли гос-
пода на веселую „метелицу“ дворни, на козу съ бара-
банщикомъ; сами рядились, а днемъ ѣздили въ каретахъ
на „крестъ-урочище“, на „вымлю“ старой и новой Бас-
манной, на „подъ Новинскій“, въ сосѣднія подмосковныя
рощи. Надо всѣмъ въ праздничные дни въ Москвѣ вѣялъ
народный разгулъ, юморъ, крѣпкое слово, запущенное
шуткомъ, плевающимъ изъ народнаго балагана, изъ кабака
съ растабаристымъ бахаремъ въ господскія хоромы вель-
можъ.

Въ Москвѣ половины XVIII вѣка, несмотря на пере-
ломъ въ быту домашнемъ и общественномъ, несмотря
на борьбу со стариной, не было, какъ я сказалъ, въ эти
праздничные дни разорванности и чуждости въ настро-
еніи, хотя Москва яркими пятнами окрашивалась: на оппо-
зиціонную Петербургу дворянскую Москву, на старую
на отдыхъ придворную Москву, чиновную, купеческую,
мелко-торговую, гостинорядскую и на Москву—народъ.

Такая сляйность этихъ группъ и общность въ народныхъ гульбищахъ была всего замѣтнѣй въ праздники во время народнаго гулянья.—Но, прежде чѣмъ разглядѣть эти толпы москвичей, взглянуть на балаганы, въ хоромы, въ трактиры, на площади и въ роши, оглянемъ самую Москву тѣхъ лѣтъ.

Народныя зрѣлища возникали по извѣстнымъ праздникамъ; балаганы, палатки, качели, возы ставились по улицамъ и площадямъ у мирно жившихъ весь годъ обывательскихъ домовъ, по скатамъ спусковъ съ московскихъ холмовъ и овраговъ, а по минованіи сроковъ разбирались, какъ на деревенскихъ ярмаркахъ. Только каменные стѣны Кремля, Китая, да полуразвалившіяся стѣны Бѣлаго города съ воротами, да „надолбы“ (бревенчатый заборъ) Земляного города заставляли помнить, что Москва большой городъ, но городъ деревенскій. Вдоль немощеныхъ улицъ, да и вдоль замощеныхъ камнемъ „проѣзжихъ“ улицъ, или мощеныхъ еще по старинѣ бревнами или фашинникомъ, тянулись нескончаемые заборы, перерываемые воротами, крытые двускатною кровлей, непременно съ иконою или мѣднымъ крестомъ; за заборами тянулись сады, пустыри, неогороженные кольями огороды, пруды или лугъ; или, какъ бы, столпившись, начинались некрашеные, почернѣвшіе дома, большіе и меньшіе, какъ обыкновенныя крестьянскія избы, даже бывали курныя или съ деревянными трубами, крытыя дранью и тесомъ. Грязь московскихъ улицъ въ иныхъ мѣстахъ такъ и не пересыхала круглый годъ. На площадяхъ или около рововъ стѣны Китай Города и Кремля, на Театральной площади, внизу на Кузнецкомъ мосту, по берегамъ Неглинной, у рововъ Красной площади стояли непересыхающія лужи, гдѣ водились цѣлыя стаи утокъ и гусей; иные широкія „проѣзжія“ улицы кончались „великими“ непроходимыми грязями и болотами.

Казенныя зданія, церкви да богоугодныя заведенія были единственными каменными строеніями Москвы. Большія господскія постройки, словно цѣлыя усадьбы на пяти десятинахъ, огороженные каменными оградами, также не представляли диковиннаго зрѣлища въ Москвѣ. Дома „знатныхъ персонъ“ ставились обыкновенно въ глубинѣ двора, окружались „поземными“ постройками, садами, палисадами, на воротахъ ставились фонари или фигуры и такіе дома въ какой-нибудь части города на Петровкѣ, на старой Басманной, на Поварской были какъ бы барскими усадьбами въ своемъ приходѣ. Ко времени, о которомъ говоримъ, уже съ начала 30-хъ годовъ XVIII вѣка въ глухія черныя ночи по самымъ большимъ улицамъ Москва была освѣщена фонарями. Черезъ десять саженъ одинъ отъ другого, выкрашенные въ синюю и бѣлую краску, торчали фонарные столбы, на которыхъ были посажены слюдяные и стеклянные фонари. Обычно ходили со своимъ фонаремъ по улицѣ, а желая войти во дворъ, пока колотили въ чугунную „биту“, что висѣла при входѣ у крыльца или у калитки вмѣсто звонка, ставили фонарь на „заваленку“, на которой жители обычно сидѣли подвѣчь или въ праздничный день у своихъ домовъ и грызли орѣхи. Улицы запирались рогатками съ десяти часовъ вечера и ихъ сторожили съ „дубинами грановитыми“ и съ „трещетками“, а рогатки отдвигали за часъ до разсвѣта. Въ Москвѣ, если не было своихъ экипажей, нельзя было найти никакихъ иныхъ, кромѣ „ропусковъ“ или „волочковъ“, которые напоминали простые дроги, только

съ фартукомъ отъ грязи,—да простыхъ санокъ зимой. Аристократическій край Москвы тогда сосредоточивался ближе къ Яузѣ и начинался уже отъ Красныхъ купеческихъ, „магистратскимъ иждивеніемъ“ построенныхъ, воротъ въ сторону къ Преображенскому и къ Нѣмецкой слободѣ. Тутъ, по пути къ Лефортову и въ немъ самомъ, все это время съ Петра Перваго и чуть ни до половины царствованія Екатерины Второй, были лучшія лавки и магазины, подобно тому, какъ со временемъ все лучшее, французское, стало появляться на Кузнецкомъ мосту. По улицамъ, ведущимъ въ Императорскіе сады и дворцы въ Нѣмецкой слободѣ—Лефортовскій и Головинскій—по Мясницкой, Покровкѣ, на Гороховомъ полѣ и Разгуляѣ, по старой и новой Басманнымъ стояли огромныя барскіе особняки „столькихъ знатныхъ персонъ“, какъ Салтыковыхъ—у Салтыкова моста, Бестужевыхъ—у Лефортовскаго дворца, Головиныхъ—у Петра и Павла, Остермановъ—у Красныхъ воротъ, Разумовскихъ—на Гороховомъ полѣ, Мусиныхъ-Пушкиныхъ—на Разгуляѣ, Демидовыхъ—на Гороховомъ полѣ и новой Басманной, Куракиныхъ—на обѣихъ Басманныхъ, а въ Нѣмецкой слободѣ: Брюсовъ, Чеглаковыхъ, графовъ Орловыхъ, графовъ Ефимовскихъ, Апраксиныхъ, Скавронскихъ, Безбородко, Нарышкиныхъ, а на Покровкѣ—Румянцевыхъ-Задунайскихъ и другихъ вельможъ того вѣка.

Другой край Москвы надъ Зарядьемъ—Гостинный дворъ. Тутъ сплошь, подымаясь къ Красной площади и раздвигаясь къ Варваркѣ и Ильинкѣ, пойдутъ ряды: Ножевая линия, овощная, шапочная, большая ветошная или покрояная, кожаная, колокольная, холщевый рядъ, затрапезный, скорнячный, иконный, перяный, книжный, живорыбный и другіе, вплоть до „Живоначальной Троицы, что въ Никитникахъ“. Это—край торговый, близкій къ Москвѣ рѣкѣ, и прямыми улицами связанный съ заставами для торговыхъ трактовъ.

Но торговый людъ расселялся не въ этомъ краю: ихъ дома ставились въ Бѣломъ и Земляномъ городѣ да за Москвой рѣкой.

Народныя гульбища въ Москвѣ бывали въ разныхъ мѣстахъ. Не одновременно, но одинаково устраивались и проводились, и посѣщались буквально такъ же и съ одинаковымъ интересомъ и восторгомъ жителями всѣхъ слоевъ безъ разбору. Народныя гулянья были связаны съ церковными праздниками въ приходахъ. Ихъ было очень много и сплошь круглый годъ. Но самыя шумныя, всенародныя, куда сбѣгался народъ со всей Москвы, куда съѣзжались сотни каретъ, куда прибылъ однажды даже самъ Галштинскій герцогъ въ бытность свою въ Москвѣ,—это гулянье на Святой „подъ Новинскимъ“, на Масленицѣ у Живого моста на Москвѣ рѣкѣ, въ Елоховѣ у Богоявленія, на „Нѣмецкихъ столахъ“ или „станахъ“ въ Сокольникахъ, подвѣчимъ въ праздникъ Смоленской Одигитріи, близъ „Русальскаго“ Краснаго пруда на Каланчевскомъ полѣ. Но особенно разгульное, шумное и пьяное веселье гремѣло въ Елоховѣ, недалеко отъ Разгуляя, перекрестка гдѣ стоялъ питейный домъ такого же названія и „подъ Новинскимъ“,—тамъ и здѣсь ставились круглыя качели на жердяхъ, поставленныхъ въ сошки, и прямыя—на веревкахъ. Скрипъ отъ нихъ разносился на весь околотокъ; тутъ же вертѣлись и на „конькахъ“—каруселяхъ; тутъ же стояли шатры „колоколомъ“, верхъ которыхъ украшался елкой и флагомъ; тамъ на стойкахъ размѣщалась всякая питей-

Старинный балаганъ.

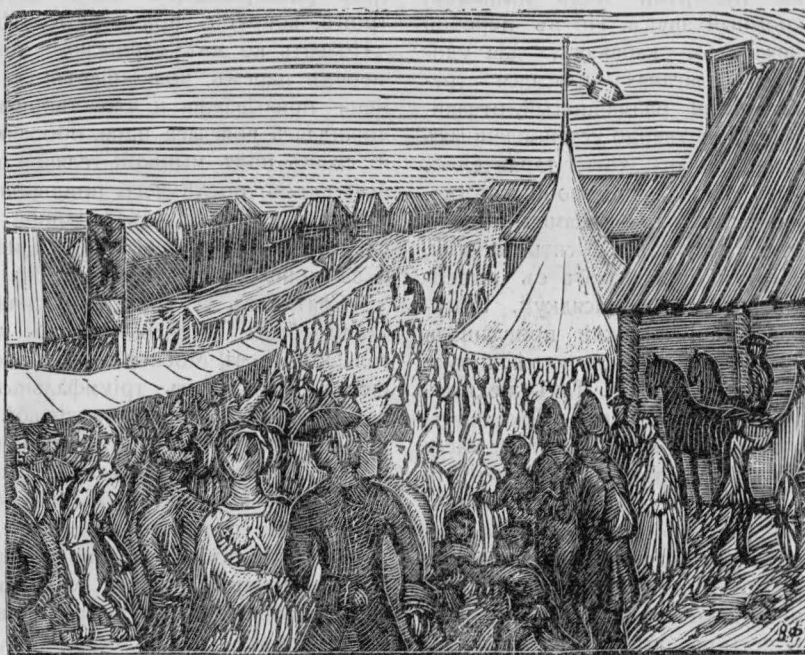
ная посуда, бочки—и туда и оттуда валил народъ, угощаясь водкой изъ плошекъ и кружковъ. Среди густой пьяной, орущей, разгульной толпы, между торговцевъ рожками, стручками, орѣхами, стояли столы „бузниковъ“, продававшихъ хмельную „бузу“, стояли и сбитенники, и тутъ же цѣлые ряды шалашей, шатровъ, палатокъ, крытыхъ рогожами и лубкомъ. И хотя эти гульбища бывали, по слову Петра, „для народного полированья, а не для какого безобразья“, но зимніе праздники, масленица, да и лѣтніе праздники не проходили, а прямо таки приурочивались къ знаменитымъ московскимъ кулачнымъ боямъ, часто кончавшимся дракой стѣна на стѣну поголовно, сошедшихся въ тѣсное кольцо вокругъ бойцовъ. Внизу Рождественской горы, съ которой неслись отъ монастырской стѣны въ санкахъ на замерзшія лужи и болота, непроѣзжей въ лѣтнюю пору, Трубной площади, на Москвѣ рѣкѣ, были эти бои, куда съѣзжалось смотрѣть ихъ благородное дворянство изъ знатныхъ персонъ, куда собирались купеческія семьи, посадскіе люди и подмосковный людъ. Правда, публично въ это время уже не бились въ руковицахъ дѣтны съ медвѣдями, уже не говорилось, какъ медвѣдь ѣлъ въ единоборствѣ такого-то Ваську, но, въ запертыхъ наглухо дворахъ, въ отдаленныхъ краяхъ Москвы, — содержались у господъ медвѣди не только ученые, но и для боевъ, и эти забавы, по преимуществу, были очень любы барской и купеческой Москвѣ. На большихъ гуляньяхъ, вокругъ которыхъ такъ далеко по окрестности разносились крики и ругань и хохотъ, такъ-же, какъ запахъ водки и музыка гудцовъ и сопѣльниковъ, не только пьянство, пляски и кулачные бои занимали съѣзжавшихся со всѣхъ концовъ москвичей: тамъ — въ лубочныхъ шалашахъ и балаганахъ и въ окружающихъ трактирахъ — пѣли и плясали цыгане. Ихъ пріѣзжала слушать московская знать и было принято даже любому извѣстному Москвѣ лицу изъ Гагариныхъ или Куракиныхъ зайти въ эту темную, грязную горницу съ простолюдинами и, бросивъ монету, послушать, въ эти дни народныхъ гуляній, цыганъ и поглядѣть ихъ пляску, а молодые изъ господъ баричи постоянно толкались около этихъ цыганскихъ притоновъ. Старая барыня, выйдя изъ кареты въ сопровожденіи лакеевъ, воспитанницъ или родныхъ, съ улыбкой шла мимо „подъ Новинскихъ“ балагановъ, можетъ памятуя свою молодость.

На „Нѣмецкіе столы“ выѣзжали на лошадахъ, а отъ Смоленскаго торго до Кудрина въ указанное время было господское катанье въ народные праздники.

Цѣлая тьма народа, повисая рядъ на рядъ, какъ пчелы гудѣли, въ восторгѣ слушая представленіе медвѣдя съ козой; это представленіе часто варьировало „срамной“ сюжетъ и чѣмъ было больше ѣдкаго и непечатнаго въ прісказкахъ поводья и актера, тѣмъ дружнее грохотала толпа жителей. Вожакъ держалъ на цѣпи медвѣдя, а мальчишка, съ мѣшкомъ на головѣ, проткнутомъ палкой, на которой придѣлана козлиная голова съ рожками,

а къ головѣ придѣланъ деревянный языкъ, отъ хлопанья котораго страшный трескъ, — мальчишка стоитъ противъ медвѣдя. Поводырь перебирается:

„А, ну-ка, Михайло Ивановичъ, представьте, какъ попь Мартынь къ заутренѣ, не спѣша, идетъ, на костыль упирается, тихо впередъ подвигается и какъ попь Мартынь отъ заутрени—домой гонить, что и попадая не догонитъ“. „И какъ старый Терентичъ изъ избы въ стѣни пробирается, къ молодой снохѣ подбирается“. „А, ну-те, Мишенька, представьте, какъ толстая купчиха отъ Николы на Пупышахъ, напившись, нажравшись, сидитъ, мало говорить; черезъ слово...“ Мишенька садится на землю и стонетъ. Такъ и идетъ представленіе съ медвѣдемъ. А потомъ вожакъ ударяетъ въ барабанъ и коза съ медвѣдемъ топчутся, а потомъ жоака и медвѣдя угощаютъ водкой. Кромѣ ученыхъ медвѣдей съ коренастымъ пошехонцемъ, давались представленія ученыхъ собакъ со „штукмейстерами“ изъ нѣмцевъ. И это любили, и позже объ этомъ даже печатали въ еженедѣльникахъ или въ афишахъ о „механистахъ, эквилибристахъ, позитурныхъ

„Подъ Новинское“.

мастерахъ, шпрингерахъ“, могущихъ показывать всякія „художества“ на вольномъ воздухѣ, въ балаганахъ и по домамъ. „Оказывались своими кунштами“ и русскіе люди, особливо изъ тверскихъ ямщиковъ, которые „оказывали весну разными высвисты по-птичью“, т.-е. свистали подъ соловья, малиновку, чижику или синицу. Но наибольшее вниманіе и всепоглощающій интересъ обращали на себя „раешники“ съ большими и малыми „вертепами“. Картины внутри райковъ или куклы бывали очень неинтересны, но оживали и приковывали вниманіе всѣхъ въ зависимости отъ живой фантазіи и

ума рассказчика. Эти представленія были любимы, когда имъ предшествовала комедія съ Петрушкой, Варюшкой, цыганомъ, докторомъ и „фатальнымъ фицеромъ“ (квартирнымъ офицеромъ), да съ Шавочкой-душечкой. Первая часть съ Петрушкой была все та же, что и теперь, т.-е. Петрушка вралъ всякую чепуху, зазывалъ жителей, а потомъ покупалъ лошадь у цыгана, лошадь его ударяла, докторъ лѣчилъ, Петрушка билъ доктора, потомъ билъ квартирнаго, а потомъ Шавочка-душечка его пугала и Петрушка убѣгалъ. Но тогда давалась еще и вторая часть, давалась совсѣмъ неприличная Петрушкина „сватьба“. Петрушка хотѣлъ высмотрѣть невѣсту, приходила Варюшка, тогда Петрушка начиналъ высматривать и выпытывать Варюшку, какъ лошадь. Это вызывало гомерическій хохотъ. Заглядывая всюду своей невѣстѣ, какъ лошади, съ непристойными выходками и прибаутками, а потомъ не хотѣлъ вѣнчаться, а хотѣлъ жениться, и чѣмъ непристойнѣе все это разыгрывалось, тѣмъ толпа болѣе одобряла. И слѣпцы, бахари, и гадалка собирали вокругъ себя зѣвакъ и почтенныхъ обывателей Москвы, любившихъ однимъ потокомъ нестись вдоль балагановъ, заглядывая и слушая по сторонамъ. А между народомъ, шмыгали и съ верха балагановъ гримасничали и передразнивали извѣстныхъ по

Москвѣ людей разныя „шутовскія персоны“, дураки, дурки, Тарась плѣшивый, Фома съ Еремой, Педрило, да пономарь Парамошка. Въ балаганахъ шли представленія народныхъ пьесъ. Актерами были мастерские, фабричные, господскіе люди и, вообще, лица подобныхъ же разрядовъ. Репертуаръ чаще бывалъ неприличный, но разнообразный въ зависимости, конечно, отъ вкусовъ жителей и актеровъ. Платилось за входъ конфектъ пять по тогдашней цѣнѣ. Театральныя представленія въ этихъ рогожныхъ балаганахъ, которыя такъ любовно посѣщались толпой, пьесы, варіаціи присказокъ, свободныя импровизаціи „подлыхъ харей“, вставлявшихъ поясненія и разыгрывавшихъ цѣлыя интерлюдіи на манеръ нѣмецкаго Гансвурста или Пикельгеринга, которые изучались и были вставлены во всей ненарушенной полнотѣ Островскимъ и Мельниковымъ въ свои произведенія,—эти театральныя представленія были вполне народными. На сценѣ представлялась не одна пьеса, а нѣсколько интерлюдій или ставилась пьеса прошлаго вѣка „лицевая комедія“, но непременно сопровождаемая появленіемъ солдата Сусакина шута, непременно съ телячьими пузырями подъ мышками, чтобы производить нескромный звукъ. Но въ перебой съ пьесой, въ харчевняхъ, въ кабакахъ, для удовольствія „подлыхъ“, и въ балаганахъ плясался трепакъ и „спиря“. Это—разгульный, размашистый, отчаянный танецъ, безъ программы, безъ твердо установленныхъ фигуръ, на манеръ парижскаго канкана, хоты, тарантеллы. Въ балаганахъ этотъ танецъ былъ „скоморошествомъ“. Танцоръ начиналъ его принятыми „переборками“, потомъ съ гиканьемъ начиналъ „причикивать“, мѣсить пятками, „валить скокомъ въ сторону“ и „въ загребъ съ вывертомъ“ и кончалъ уже „ходенемъ въ присядку“. Замѣчательныхъ такихъ танцоровъ на Москвѣ приглашали гастролировать въ барскіе дома и поили ихъ по нѣскольку дней за настоящую пляску этой „спири“. Такъ же какъ и цыганская пляска, она очень любима была москвичамъ, горячая и разгульная. Въ то время еще большая масса московскаго люда не знала ни „матрадуры“, ни менуэта и никакихъ вообще „контретанцевъ“, хотя для „господскихъ веселостей“ крѣпостныхъ дѣвокъ уже обучали въ большихъ домахъ всѣмъ этимъ танцамъ. Я ужъ, конечно, не говорю о „благородныхъ“, бывавшихъ на „машкерадахъ“ и принужденныхъ вывозить на эти танцы или „куртаги“ дѣвицъ еще съ четырнадцатилѣтняго возраста. Ибо „жестокое наказаніе“ слѣдовало во времена Петра благородному шляхетству послѣ такого праздника въ случаѣ утайки и объявленія „нѣтчиковъ“.

Балаганъ, какъ праздничная народная потѣха, жилъ и въ половинѣ XVIII вѣка тѣми же сюжетами и пьесами, которыми жили еще во времена царей Алексѣя или Петра; тамъ давались старинныя „діалогіи“ и непременно, какъ уже сказано, съ интерлюдіей и шуткомъ. Надо сказать, что на масленицѣ и на святкахъ возрастные школьники и подъячіе нанимали дома и давали публичныя игрища за плату, но это было специально народное развлеченіе для „подлыхъ“ и посадскихъ, и туда не заворачивало привилегированное общество Москвы, занятое французскимъ театромъ, итальянской оперой или

переводными „экстрактами комедій“, а лакеи ихъ и мастерские иностранцы въ Москвѣ посѣщали уже такъ же разрушавшійся, а нѣкогда заведенный на широкую ногу, Нѣмецкій общественный театръ. Въ народномъ временномъ театрѣ этихъ подъячихъ-любителей и въ балаганахъ шли старыя пьесы: „Оранталпей Эпирскій и Мирандонъ сынъ его“, „Честный измѣнникъ“, въ ней первая персона Арцухъ Фридрихъ фонъ-Поплей“, „Порода Геркулесова, въ ней первая персона Юпитера“, „Докторъ принужденный“; давали и Соломона, и Евдона, и Бертю. Но въ антрактахъ шли интермедіи. Или просто интерлюдія перерывала пьесу появленіемъ жениха со сватьей, разныхъ Вавиль и Даниль, Фарноса съ Пегасей, главнымъ образомъ не щадившихъ палочныхъ ударовъ, пощечинъ, потасовокъ, дракъ и бившихъ исключительно на всяческое безстыдство. Шли и такія старыя пьесы, какъ—„малая прохладная комедія о преизрядной добродѣтели и сердечной чистотѣ въ дѣйстви о Іосифѣ“, „жалостная комедія объ Адамѣ и Еввѣ“ и „Темиръ-Аксаково дѣйство, или Баязеть и Тамерланъ“. Интермедія о Соломонѣ въ балаганѣ разыгрывалась такъ: царь Соломонъ сидѣлъ на тронѣ, вокругъ—придворные. Царь Соломонъ кричитъ: „Позвать ко мнѣ маршалку“. Маршалка идетъ и, ставъ передъ царемъ, возглашаетъ: „о, царю Соломоне, зачѣмъ меня призываешь и что творишь повелѣваешь“. И, не дожидаясь возгласа царя, оборачивается къ нему задомъ и, жавъ подъ мышкой телячьи пузыри, издаетъ нескромный звукъ, послѣ чего придворные на него кидаются и начинается драка, въ которой оттрепываютъ и царя Соломона. Это большая часть интермедіи и на этомъ она и заканчивается.

Святки въ ту пору проносились шумно надъ Москвой. Толпа была приучена самимъ дворомъ, не разъ появившимся въ Москвѣ въ сопровожденіи аллегорическихъ шествій, слѣдуя въ триумфальныя арки, ко всяческому ряженію, къ „харямъ“ и гульбѣ по вечерамъ въ домахъ и на улицахъ. И тутъ была неопиcуемая пестрота костюмовъ, смѣхотворныхъ саней, „скоморошныхъ персонъ“, всяческихъ шутокъ, дракъ и необузданный гомонъ, лихое катанье на тройкахъ и давка „крестьянскаго влочи“ конями и подобныя затѣи въ характерѣ того вѣка.

Въ эти праздничные вечера въ старинныхъ господскихъ домахъ, такъ-же, какъ и въ купеческихъ московскихъ семьяхъ, если не было раута, если не веселились, глядя на дворню, или вмѣстѣ съ ней, то любили послушать не то былъ, не то сказку о странствіяхъ по святымъ мѣстамъ, объ адовой щели, что „можно человѣку бокомъ пролѣзть“ и что „изъ щели-де слышно, какъ грѣшныя души мучаются и зываютъ“ и о другой щели подлѣ главы Адамовой, въ которую ушла потопная вода внутри земли и какъ приложиться къ невеликому каменному столбу въ Іерусалимѣ, отъ котораго „облегченіе животу“ и который есть самый пупъ земли. И многое еще слушали о русскихъ, греческихъ и азіатскихъ святыняхъ, что наравнѣ со сказками жило въ народномъ быту, къ которому обратились уже черезъ вѣкъ писатели Гоголевской школы.

Вас. Сахновскій.

театра Поляковъ и виолончелистъ Татариновъ. Французы подслушали ихъ виртуозную игру и завербовали въ свою капеллу. Оба получили по 83 наполеондора золотомъ, въ чемъ и расписались въ кассовой книгѣ, имѣли охранные листы, носили треуголки съ кокардами и вмѣстѣ съ трупной ходили въ Петровский монастырь за порціей говядины. Впослѣдствіи они были отданы за это подъ судъ, который оправдалъ ихъ, признавъ, что обвиняемые поступили такъ подъ влияніемъ крайняго голода.

Составленіемъ репертуара занялся самъ Наполеонъ вмѣстѣ съ Боссе и г-жей Бюрсэй. На бѣду изъ актрисъ остались не молодыя, и выборъ пьесъ представилъ немало затрудненій. „Островъ старухъ“, — это можно было бы сыграть безо всякаго ущерба.

Оставалось подыскать подходящее для постановки спектаклей помѣщеніе. Оно нашлось. Въ то время у нѣкоторыхъ помѣщиковъ были свои театры. Боссе узналъ, что чуть ли не въ единственномъ уцѣлѣвшемъ отъ пожара, домѣ Познякова на Никитской имѣется отличная сцена. Онъ поспѣшилъ туда. Оказалось, что тутъ уже успѣли побывать мародеры. Драпировка зала была ободрана, мебель сломана, канделябры исковерканы. Все это на-скоро обновили и покрасили. Занавѣсъ сшили изъ дорогой парчи. Ложки отдѣлали краденымъ плюшемъ и бронзой. Въ партерѣ протянули растасканные изъ барскихъ гостинныхъ цвѣтные ковры и поставили комфортабельныя кресла. Съ потолка, вмѣсто люстры, спустили 28-свѣчное паникадило.

Когда все было готово, на Тверской и въ Леонтьевскомъ переулкѣ появились на столбахъ анонсы о предстоящемъ открытіи театра. У входа въ него были расклеены рукописныя разноцвѣтныя афиши: „Сегодня, 12 сентября, представлены будутъ комедія Мариво „Игра любви и случая“ (*Les jeux de l'amour et du hasard*) и водевиль „Любовникъ—сочинитель и слуга“ (*L'amant—auteur et valet*).

И вотъ, среди погромленной и спаленной Москвы, улицы которой оглашались воплями и стономъ оставшихся въ городѣ обывателей, грянула торжественная увертюра. Партеръ занимали солдаты. Въ переднихъ рядахъ сидѣла старая гвардія въ полной формѣ съ крестами почетнаго легіона на груди. Въ ложахъ блистали генералитетъ и офицерство едва ли не всѣхъ націй Европы. Почетныя мѣста были заняты дамами изъ разныхъ авантюристокъ, иностранныхъ гувернантокъ и ночныхъ героинь Кузнецкаго моста. По общему требованію, исполнялись патриотическія пѣсни, покрывавшіяся громомъ рукоплесканій.

Цѣны мѣстамъ были умѣренные. Часть сбора шла на освѣщеніе и отопленіе театра. Остальное — въ пользу исполнителей. Маршалы и генералы съ ихъ штабами постоянно посѣщали спектакли, горстями отсыпая деньги на прилавокъ. Даже нижніе чины, — и тѣ платили дорожю назначенной расцѣнки и никогда не брали сдачи.

Особенно нравился дивертисментъ изъ русскихъ плясокъ. Въ нихъ отличались выросшія и воспитывавшіяся въ Россіи сестры Ламираль, отецъ которыхъ до и послѣ нашествія Наполеона былъ — на ряду съ Югелемъ — преподавателемъ танцевъ въ избранномъ кругу Москвы.

„То были настоящія русскія пляски“, — говоритъ Боссе въ своихъ воспоминаніяхъ, — „а не такія, какія намъ показываютъ въ Большой оперѣ въ Парижѣ. Прелесть этой пантомимы — въ игрѣ плечъ, движеніи головы и положеніяхъ всего тѣла“.

Для укрѣпленія въ арміи вѣры въ то, что въ Москвѣ рѣшено перезимовать, всей труппѣ было уплачено за 6 мѣсяцевъ впередъ.

Въ глубокомъ мракѣ и жуткой тишинѣ ночей ярко освѣщенный и переполненный театръ казался зловѣщимъ, для водрузившихъ его, факеломъ, какъ тѣ, что цинично потрескивали на окаймленномъ гробовымъ безмолвіемъ торжищѣ Валтассара.

Всѣ улицы со скелетами обгорѣлыхъ построекъ были пустыни. Лишь Никитская съ наступленіемъ вечера загромождалась экипажами и каретами (по нимъ плакалъ Каретный рядъ!), которые вереницей тянулись къ театральному подъѣзду и по окончаніи спектаклей, сверкая фонарями, мчались въ разныхъ направленіяхъ обратно. У театра оставался только усиленный караулъ и рядъ чановъ съ водой: боялись поджога.

Наполеонъ живо интересовался всѣми постановкамъ и внимательно выслушивалъ отчеты о нихъ, но лично въ театрѣ не бывалъ. Для него въ Кремлевскомъ дворцѣ была устроена концертная эстрада, на которой выступали, откомендованные ему г-жей Бюрсэй, прибывшія въ Москву изъ Милана, превосходный пѣвецъ и преподаватель пѣнія Таркинйо и великолѣпный пианистъ, сынъ автора популярныхъ въ то время оперъ „Рѣдкая вещь“ (*La cosa rara*) и „Діанино древо“ (*L'arbore di Diana*), — Мартини.

Спектакли въ театрѣ продолжались до самаго ухода Наполеона изъ Москвы. Всѣхъ ихъ было дано 11. Нѣкоторыя пьесы, какъ „Три султанши“, „Разсѣянный“, „Фигаро“, „Притворная невѣрность“, „Стряпчій — посредникъ“, „Проказы въ тюрьмѣ“, „Плохо защищенная крѣпость“, „Сидъ“ и „Заира“, имѣвшія наибольшій успѣхъ, повторялись по нѣскольку разъ.

Въ полдень 6 октября Наполеонъ, сидя за завтракомъ, позвалъ къ себѣ Боссе и сталъ разспрашивать его о театрѣ. Онъ развернулъ передъ нимъ планъ улучшенія этого дѣла, сталъ на лоскуткѣ бумаги перечислять тѣхъ артистовъ, которыхъ, по его мнѣнію, можно было бы выписать въ Москву безъ ущерба для Парижа, и разсуждалъ о необходимыхъ для скорѣйшаго доставленія ихъ мѣрахъ.

Списокъ еще не былъ законченъ, какъ вдругъ вошелъ, прискакавшій изъ Тарутина, адъютантъ Мюрата — генералъ Беранже съ донесеніемъ о пораженіи атакующаго Беннигсеномъ неаполитанскаго короля: убито 2 генерала — Дери и Фишеръ и 4,000 нижнихъ чиновъ, потеряны двѣнадцать орудій и весь обозъ, авангардъ фактически пересталъ существовать, такъ какъ оставшіеся крайне истощены...

Это ускорило и безъ того близкую развязку. Весь вечеръ главная квартира писала и разсылала соотвѣтствующіе приказы. Въ театрѣ еще шелъ спектакль и были объявлены пьесы, назначенныя на другой день.

„Возвратясь изъ театра“, — рассказываетъ артистка, — „я приготовила себѣ платье для роли Петрониллы, когда ко мнѣ вошелъ офицеръ и спросилъ: „Что вы дѣлаете?“ — „Вы видите, приготавливаю платье къ завтрашнему вечеру“, — отвѣтила я. — „Позаботьтесь лучше приготовить свои чемоданы къ завтрашнему утру, потому что мы въ 2 часа утра выступаемъ!“

Дѣйствительно, въ ночь на 7 октября началось выступленіе. „Comedia è finita...“

Началась трагедія, въ которой главную роль игралъ морозъ и голодъ при ближайшемъ участіи штыка и пика. Мѣсто дѣйствія — Смоленская дорога и дальше до Березины...

II.

Выступившая изъ Москвы армія Наполеона — 140,000 пѣхоты, 50,000 конницы и 600 пушекъ — растянулась, благодаря колоссальному обозу, на 15 верстъ. До 90,000 строевыхъ солдатъ, шедшихъ въ полномъ снаряженіи впередъ, еще напоминали собой стройное войско. Остальные подвигались безпорядочной, необычайно пестрой ордой. Въ крестьянскихъ зипунахъ, священническихъ стихаряхъ и женскихъ юбкахъ, окутанные мѣховыми боа, башлыками и шальями, они, согнувшись, ташили на себѣ мѣшки съ награбленнымъ добромъ. Кавалерія едва волочила ноги, тѣмъ болѣе, что всадники въ свою очередь безпошадно нагружали и такъ изнуренныхъ коней всевозможной кладью. Большинство ея было спѣшено. Артиллерійскія лошади, истощенныя голодухой, съ трудомъ везли орудія и безпрестанно падали отъ изнеможенія. Позади, въ нѣсколько рядовъ, тянулось несмѣтное количество экипажей, колясокъ, каретъ, дрожекъ и бричекъ съ прилѣпившимися къ войскамъ частными лицами.

„Можно было подумать, — свидѣтельствуетъ ординарецъ Наполеона, — что подвигалась не великая армія, а караванъ кочевниковъ или полчище древнихъ временъ, возвращавшихся послѣ нашествія съ рабами и добычей“.

Были здѣсь и знакомые намъ лица.

За время своего пребыванія въ Москвѣ Боссе — „онъ былъ уже годами старъ, но младъ и живъ душой незлобной“ — сталъ усиленно ухаживать за миловидной актрисой — г-жей Андрѣ и

Богъ знаетъ до чего бы дошелъ, если бы Наполеонъ не велѣлъ ударить отбой.

Питая влеченье къ этой первой любовницѣ, страдавшій подагрой директоръ труппы прежде всего озаботился объ отправленіи изъ Москвы именно предмета своей страсти.

Онъ уступилъ ей свое, запряженное тройкой, ландо, гдѣ устроилась и директриса—г-жа Бюрсэй, а самъ покатылъ въ одной изъ императорскихъ каретъ.

Остальные были предоставлены самимъ себѣ. Первый любовникъ Перонэ поѣхалъ верхомъ. Трагики и комики съ театральной библіотекой — въ дырявомъ лазаретномъ фургонѣ. До Смоленска труппа чувствовала себя сносно. Тутъ Перонэ лишился своего коня и вдобавокъ отморозилъ себѣ ноги. Бѣднягу привели къ Боссе, который предложилъ ему денегъ. Страдалецъ кричалъ: „Къ чему мнѣ ваши деньги! Дайте мнѣ ноги, силъ и жизни!“ Боссе отвѣтилъ: „Не могу. Такія вещи даются только съ Высочайшаго соизволенія“. Проситель попалъ въ фуру для раненыхъ. Число ихъ по выходѣ изъ Смоленска значительно возросло. Перонэ былъ безжалостно оставленъ и умеръ съ голоду на дорогѣ.

Вскорѣ къ Боссе явился премьеръ Аднэ съ жалобой на то, что лазаретный фургонъ, въ которомъ онъ ѣхалъ съ женой, товарищами и театральной библіотекой, у нихъ отняли для больныхъ офицеровъ. Получивъ субсидію, премьеръ купилъ себѣ коляску и пару лошадей и помѣстился въ ней со своей женой. Забывъ запасться рукавицами и валенками, онъ отморозилъ себѣ руки и ноги. При переправѣ черезъ Березину экипажъ сорвался съ понтоннаго моста въ прорубь и оба сѣдока утонули.

У самого Боссе казенная карета была отнята для адъютанта, котораго съ важными бумагами экстренно отрядили во Францію. Директоръ труппы раздобылъ ветхую бричку съ парой одровъ. Когда армія совершала переходъ черезъ крутой холмъ, клячи Боссе стали и, несмотря на всѣ усилія, не трогались съ мѣста. Кучеръ сошелъ съ козелъ, отправился на покупку другихъ лошадей и пропалъ. Наступила ночь. Морозъ былъ жестокий. Директоръ труппы лежалъ въ сильнѣйшемъ припадкѣ подагры въ своей ветхой бричкѣ, которая, стоя поперекъ дороги, мѣшала тянувшимся обозамъ. Ее зацѣпили и опрокинули на бокъ вмѣстѣ съ безпомощнымъ Боссе, который, съ окутанными всякой рванью ногами, напаяли на руки, вмѣсто лаптей, теплые сапоги, и поднимая ихъ вверхъ, чуть ли не локтями растиралъ замерзшія щеки. Проходившіе соотечественники обшарили его и взяли все, что могли. Несчастный остался на снѣгу возлѣ своей ветхой брички и тщетно умолялъ о помощи. Войска шли и фуры тянулись своимъ чередомъ. Никто не обращалъ на него ни малѣйшаго вниманія. Наконецъ, нѣкій сердобольный канонеръ сжался надъ нимъ и посадилъ его къ себѣ верхомъ на пушку. Сидя на бронзовомъ конѣ, директоръ труппы потерялъ изъ виду свою возлюбленную г-жу Андрэ. Впрочемъ, онъ, можетъ быть, и не думалъ тогда о ней. Но она сама о себѣ напомнила.

Между Краснымъ и Лядами на отступавшихъ обрушился казачій отрядъ, который смаялъ растянувшуюся цѣпь ихъ. Нападеніе было неожиданнымъ. Атакованные понесли огромный уронъ. Вечеромъ, на бивуакъ жестоко пострадавшихъ гвардейцевъ, Боссе расположился на шинели у костра. Съ одной стороны, его палилъ огонь, съ другой—жегъ морозъ. Онъ поворачи-

вался съ боку-на-бокъ. Вдругъ директоръ труппы услышалъ произнесенное знакомымъ голосомъ свое имя. Обернулся. И увидѣлъ г-жу Бюрсэй. Она стояла предъ нимъ въ отрепьяхъ и держала на рукахъ другую женщину въ совершенно изодранномъ салонѣ, голова и руки которой безсильно повисли на плечѣ директриссы. На бѣломъ платьѣ протянулись струйки крови. Боссе былъ пораженъ. Г-жа Бюрсэй молча сбросила съ головы своей ноши плащъ и директоръ труппы съ ужасомъ узналъ въ страдалицѣ г-жу Андрэ. Оказалось, что во время партизанскаго набѣга ядромъ раздробило ихъ ландо и убило единственную, оставшуюся у нихъ лошадь. Прочія были украдены и съѣдены солдатами. Съ необычайнымъ геройствомъ г-жа Бюрсэй схватила полумертвую г-жу Андрэ и подъ градомъ свинца повлекла ее за собою изъ линіи огня. Одна ружейная пуля ранила г-жу Андрэ въ плечо. Другая раздробила ей ногу. Г-жа Бюрсэй схватила свою истекавшую кровью подругу на руки и бодро шла впередъ со свиткомъ бумаги. Это была ея поэма „О посредственности“ (De la médiocrité), — все что она успѣла вынести съ собой изъ этого ада. Боссе рыдалъ, какъ ребенокъ, но ничѣмъ не могъ ей помочь.

„Если такъ, — сказала г-жа Бюрсэй съ безпримѣрнымъ мужествомъ и твердостью, — я послѣдую за арміей пѣшкомъ и понесу подругу до самаго Парижа! Если она умретъ, то не иначе, какъ надъ моимъ въ конецъ истощеннымъ тѣломъ!“

Величіе характера, засвидѣтельствованное въ подробномъ офиціальномъ донесеніи гр. Коленкура Наполеону.

Для несчастныхъ женщинъ отыскивали старый зарядный ящикъ и хромую кавалерійскую лошадь. Но ни усердіе гр. Коленкура, ни человеколюбіе г-жи Бюрсэй не спасли ея подруги. Въ Вильну она была привезена на пушечномъ лафетѣ, а въ Страсбургѣ умерла отъ истощенія силъ.

Молодая артистка г-жа Фюзи также ознаменовала свой походъ во Францію актомъ высокаго человеколюбія.

Въ Вильнѣ, во время буйства изголодавшихся солдатъ, родители въ бѣгствѣ потеряли своего ребенка. Бѣлокурогая крошка испуганно стояла на мосту и горько плакала. Никто изъ бѣжавшей толпы не интересовался ею и дѣвочку, вѣроятно, столкнули бы въ рѣку, если бы г-жа Фюзи не взяла ее подъ свою защиту.

Всѣ поиски великодушной актрисы были безрезультатны. Найти родителей ребенка, отъ котораго нельзя было добиться голку, ей не удалось. Дѣвочку накормили и утѣшили, давъ игрушку. Г-жа Фюзи поклялась замѣнить ей мать и сдержала свою клятву. Всю дорогу вплоть до Парижа она дѣлилась съ пріемышемъ послѣдними крохами, а очутившись въ своемъ отечествѣ, любовно воспитывала крошку, прозванную „Виленской сироткой“.

Этотъ трогательный эпизодъ послужилъ Скрибу темой для пьесы: „Ольга, русская сирота“.

Записки г-жи Фюзи „О пожарѣ Москвы“ (L'incendie de Moscou) послужили для дѣвочки приданнымъ.

Оставшимся въ живыхъ участникамъ труппы Наполеонъ назначилъ пенсію, которая напоминала имъ о товарищахъ, сложившихъ свои кости въ снѣгахъ Россіи или нашедшихъ ледяную могилу въ волнахъ Березины.

„Такъ кончился пиръ ихъ бѣдою“.

Ф. Мускатблѣтъ.

Выѣздъ французскихъ артистовъ изъ Москвы въ 1812 г.—рис. Венеціанова.

ГАМЛЕТЪ ВЪ ОСВѢЩЕНІИ НОВѢЙШЕЙ КРИТИКИ.

(Окончаніе).

ГЛАВА II-я.

ВЫЯСНИВЪ міросозерцаніе Гамлета, вернемся къ нему, какъ къ художественному типу. Черезъ всю трагедію въ душѣ Гамлета проходятъ двѣ драмы: одна чисто интимная, теоретическая — драма скорбника-пессимиста, разочарованнаго въ человѣкѣ вообще; другая — направленная на внѣшній міръ, драма человѣка, на котораго судьба возложила страшную задачу: отомстить за убійство отца.

Эта вторая драма для Гамлета тяжелѣе первой, такъ какъ она требуетъ отъ него напряженія всѣхъ его духовныхъ силъ и вынуждаетъ дѣйствовать въ то время, когда кромѣ подозрѣній у него ничего еще нѣтъ. Въ первомъ дѣйствіи мы узнаемъ только, что у Гамлета внезапно умираетъ нѣжно любимый отецъ. Правда, въ немъ вспыхиваетъ подозрѣніе, что отецъ отравленъ дядей, но какъ въ этомъ убѣдиться?

Намъ кажется теперь непонятнымъ, какъ не могла критика до сихъ поръ разсмотрѣть, (прежде, чѣмъ упрекать Гамлета въ безхарактерности), что Гамлетъ при всемъ пламенномъ желаніи не могъ отомстить королю, пока не было раскрыто преступленіе? А раскрыть его было очень трудно, такъ какъ прямыхъ уликъ не было: онѣ, конечно, были тщательно скрыты. Но если бы онѣ и были, то кто же могъ судить короля? Да и самое положеніе Гамлета, какъ наслѣднаго принца, обязываетъ его соблюдать величайшую осторожность въ своихъ разслѣдованіяхъ.

Кромѣ того, самый способъ наказанія преступленія приводить его въ ужасъ, такъ какъ грубая, полуварварская эпоха требовала смерти за смерть. Могъ ли онъ съ своей возвышенной душой, съ своимъ философскимъ складомъ мысли совершить актъ кровавой мести безъ колебаній и сомнѣній?

Взятый даже въ эпоху XVI вѣка, когда предразсудокъ кровавой мести за убійство царилъ во всей своей неумолимой силѣ. Гамлетъ сначала медленнымъ и мучительнымъ путемъ убѣждается въ виновности короля, а затѣмъ уже рѣшается на мечь. Но эта нравственная шепетильность отнюдь не можетъ служить признакомъ слабости. Напротивъ: вынести такую жестокую, душевную борьбу, какую выносить Гамлетъ, подстать только человѣку громадной нравственной силы!

Насколько была тяжела возложенная на него судьбой миссія, можно видѣть уже изъ того, что едва въ его душѣ закрались подозрѣнія, какъ онъ сталъ носить маску притворнаго безумія. Его мнимое сумасшествіе ни въ комъ не возбуждаетъ особеннаго подозрѣнія, кромѣ того человѣка, который носитъ на себѣ тяжесть преступленія. Король, предчувствуя грознаго мстителя въ лицѣ Гамлета, постоянно озабоченъ вопросомъ: „Зачѣмъ онъ роль безумнаго играетъ?“

И дѣйствительно, едва послѣ представленія игра Гамлета передъ нимъ раскрылась, онъ немедленно посылаетъ его на смерть въ Англію въ сопровожденіи своихъ вѣрныхъ клеветовъ. Но и тайна короля въ свою очередь открыта для Гамлета послѣ представленія*). Съ этого момента для Гамлета принципиально рѣшена его участь, но все же онъ не приводитъ своего плана въ исполненіе. За то въ немъ вспыхиваетъ теперь жела-

*) Думается, что современная, болѣе тщательная, критика не будетъ упрекать Гамлета въ томъ, что онъ не рѣшается убивать короля только по однимъ подозрѣніямъ. Въ виновности же дяди, не надо забывать, онъ убѣждается только въ третьемъ дѣйствіи.

Мы можемъ предположить также и другую практическую цѣль Гамлета: самому сѣсть на престолъ. Любимый народомъ, онъ не можетъ простить Клавдію, что тотъ „ловко втерся между избраньемъ и его надеждою“ (1-я сц., V-е дѣйств.).

Замѣч. автора.

ніе борьбы съ преступными замыслами дяди, душевная низость котораго обрисовалась передъ нимъ во весь ростъ.

На время изъ философа — созерцателя онъ превращается въ активнаго борца, который не останавливается ни передъ чѣмъ. *A la guerre, comme à la guerre* — вотъ его девизъ; едва онъ садится на корабль, — дѣйствія его здѣсь энергичны и жестоки. Онъ вскрываетъ чужое письмо, рѣшается на подлогъ, посылаетъ на вѣрную смерть своихъ враговъ и не жалѣетъ объ этомъ. Такъ, на упрекъ Горацио объ участи Розенкранца и Гильденштерна, онъ отвѣчаетъ съ сознаниемъ собственной правоты:

— „Они искали порученія,
Ихъ смерть мою не потревожитъ совѣсть.
Не сами ль смерть накликали они,
Ввязавшись въ дѣло? Плохо если слабый
Бросается въ средину межъ мечей
Бойцовъ сильнѣйшихъ“.

Въ послѣднихъ словахъ мы не должны видѣть проповѣдь права сильнаго. Гамлетъ хочетъ выразить ими ту идею, что жизнь прежде всего борьба и какъ всякая борьба — жестока.

Когда люди преслѣдуютъ не идеальныя, а реальныя цѣли — жертвы неизбежны, Гамлетъ же поставилъ себѣ въполнѣ реальную цѣль — отстоять собственную жизнь вопреки замыслу короля, чтобы отмстить за всѣ его преступленія.

Здѣсь мы должны отмѣтить огромной важности перемену въ міросозерцаніи Гамлета: завязавшаяся не на жизнь, а на смерть борьба его съ королемъ властно врывается въ его интимную драму скорбника-пессимиста и производитъ въ немъ тотъ благодѣтельный переломъ, который даетъ ему силу дѣйствовать. Эта перемена въ самомъ міросозерцаніи Гамлета до сихъ поръ не оцѣнена критикой: никто до сихъ поръ не обратилъ достаточно вниманія, что знаменитая трагедія создавалась въ теченіе десяти лѣтъ и росла и осложнялась вмѣстѣ съ ростомъ его творца. Во второй сценѣ V-го дѣйствія изъ разговора Гамлета съ Горацио мы узнаемъ, что тяжелая драма его съ самимъ собой кончилась: онъ призналъ надъ собой нѣчто высшее, чѣмъ измѣнить не въ силахъ:

— „Въ одно мгновенье...
Благословенна будь моя рѣшимость!
Насъ иногда спасаетъ безразсудство
А планъ обдуманнѣе не удался.
Есть божество, ведущее насъ къ цѣли
Какой бы мы не избрали путь!“

Въ послѣднихъ словахъ Гамлета его новое *profession de foi*. Онъ признаетъ, что жизнь сильнѣе отдѣльныхъ людей: ни одинъ человѣкъ не можетъ всего предусмотрѣть даже въ отношеніи самого себя. На примѣрѣ короля онъ видитъ, какъ иногда прекрасно обдуманнѣе планъ можетъ потерпѣть фиаско и, напротивъ, самаго его спасаетъ „безразсудство“:

„Опутанный коварствомъ,
Я не успѣлъ и съ мыслями собраться,
Какъ планъ созрѣлъ“...

Смертельную опасность онъ устраняетъ легко и почти мгновенно. Съ этой минуты Гамлетъ спокойно отдается теченію событій: онъ принимаетъ вызовъ Лаэрта на дуэль, ранитъ его, раскрываетъ новое преступленіе короля и совершаетъ надъ нимъ правосудіе.

Разъ признавъ надъ собой могущество судьбы, Гамлетъ не пытается больше противодѣйствовать ей: даже, когда въ немъ ярко вспыхиваетъ предчувствіе близкой смерти передъ дуэлью съ Лаэртомъ, онъ не предпринимаетъ ничего, чтобы предотвратить смерть. На предложеніе Горацио отсрочить поединокъ, онъ отвѣчаетъ категорическимъ отказомъ:

...„И воробей не погибнетъ безъ воли Провидѣнія. Не послѣ, такъ теперь; те перъ, такъ не послѣ; а не теперь, такъ когда-ни будь да придется же. Быть готовымъ — вотъ все...“

Репрод. воспрещена.

И. И. ЗАХАРОВЪ.—„Группа дѣвушекъ“.
(„Московский Салонъ“ 1911 г.).

Въ полномъ согласіи съ высказанной вѣрой въ предопредѣленіе развертывается передъ нами послѣдняя сцена трагедіи. Здѣсь Гамлетъ является самъ орудіемъ судьбы, чего то безличнаго, но справедливаго и страшнаго въ своемъ могуществѣ.

Мы видимъ здѣсь цѣлый рядъ смертей; всѣ онѣ какъ будто бы и случайны и при поверхностномъ отношеніи къ пьесѣ кажутся прямо искусственными, но если мы дадимъ себѣ трудъ вдуматься въ эту безсмертную вещь, то увидимъ, что здѣсь все необходимо и нѣтъ ничего случайнаго, какъ и вообще въ жизни. Въ самомъ дѣлѣ, съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ и натянутымъ, почему это королева взяла именно отравленный кубокъ, или почему Лаэртъ смертельно раненъ, тогда какъ шпага съ отравленнымъ остріемъ была у него самого?

Но что могло быть естественнѣе выпить королевѣ кубокъ, предназначенный для Гамлета, которая, конечно, была очень далека отъ всякаго подозрѣнія? Или также, что необыкновеннаго въ томъ, что противники въ пылу битвы обмѣниваются шпагами? Вѣдь, нельзя же было предупредить королеву или помѣтить шпагу? А смерть короля? Развѣ она какъ будто не случайна? Развѣ самъ Гамлетъ, хотя онъ и принялъ рѣшеніе покончить съ королемъ, могъ предполагать, что именно на этомъ поединкѣ онъ убьетъ его? Нѣтъ, не думалъ, такъ какъ для него лично и дуэль съ Лаэртомъ оказалась неожиданной, а о новомъ заговорѣ на свою жизнь онъ не подозрѣвалъ. И очень опростительно поступаютъ тѣ критики, которые, желая доказать въ Гамлетѣ силу воли, настаиваютъ на томъ, что Гамлетъ все-таки же убиваетъ короля. Это очень грубая ошибка.

Если бы Гамлетъ убилъ короля въ тотъ моментъ, когда застаётъ его за молитвой, его благородный образъ померкъ бы въ нашихъ глазахъ; онъ совершилъ бы обыкновенный актъ мести и притомъ въ довольно некрасивой обстановкѣ: это было бы убійство безоружнаго человѣка, да еще въ то время, когда въ немъ проявились проблески раскаянія. На читателя и зрителя эта сцена произвела бы отталкивающее впечатлѣніе. Однако великій поэтъ не даромъ проводитъ своего героя черезъ это искушеніе.

Совершенно при другихъ обстоятельствахъ происходитъ дѣйствительное убійство короля.

Умиравшій Лаэртъ, возмущенный низостью короля, открываетъ истинную причину смерти королевы передъ Гамлетомъ и предупреждаетъ его самого о близкой смерти отъ отравленной шпаги.

„И шпага отравлена?“
спрашиваетъ въ негодованіи Гамлетъ.

Зрители въ этомъ моментъ возмущены вмѣстѣ съ Гамлетомъ; вотъ почему, когда въ слѣдующій затѣмъ моментъ Гамлетъ закалываетъ вотчина со словами:

„Такъ соверши свое, отрав!“
ударъ этотъ вызываетъ не осужденіе, а напротивъ, даже сочувствіе, потому что со стороны Гамлета онъ является не убійствомъ, а самозащитою въ неравномъ бою. Онъ лишаетъ вотчина жизни, послѣ того, какъ, благодаря коварству послѣдняго, погибаетъ мать, Лаэртъ и, наконецъ, онъ самъ раненъ на смерть. Чѣмъ могъ ему быть страшнѣе король послѣ смерти? Однако онъ ранитъ его тѣмъ самымъ отравленнымъ оружіемъ, которое тотъ приготовилъ для другихъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что послѣдняя сцена трагедіи даетъ намъ картину справедливаго возмездія за совершенное преступленіе. Зло въ концѣ концовъ разрѣшается правосудіемъ, отъ котораго нигде нельзя уйти, такъ какъ оно заложено въ природѣ человѣка *).

*) Вспомнимъ слова Гамлета, которые вырываются у него тотчасъ послѣ того, какъ друзья открываютъ ему тайну появленія призрака отца:

„Злодѣйство выступить на свѣтъ дневной
Хоть цѣлой будь засыпано землей“
(I-е дѣйств., сцена II-я).

А. И. Южинъ въ роли Гамлета.

Такъ понималъ проблему зла гениальный поэтъ XVI вѣка. Справедливо ли такое воззрѣніе или нѣтъ, не будемъ рѣшать здѣсь. Важно одно, что поэтъ держался именно такого взгляда.

Глава III-я.

Не будемъ также навязывать ему идеи нашей болѣе утонченной эпохи — недостатокъ, который мы видимъ даже въ критикѣ такого блестящаго знатока западно-европейской литературы, какъ Георгъ Брандесъ.

Его оскорбляетъ въ Гамлетѣ планъ кровавой мести за отца и онъ съ недоумѣніемъ, какъ бы пожимая плечами, говоритъ о немъ:

„Принцъ эпохи Возрожденія, кончившій курсъ въ иностранномъ университетѣ и склонный къ философскимъ умствованіямъ, молодой человѣкъ, который занимается музыкой, понимаетъ толкъ въ искусствѣ краснорѣчія, фехтованія и драматургіи, самъ обнаруживаетъ талантъ драматурга, носитъ съ мыслью самолично осуществить планъ кровавой мести“ *).

Да, Гамлетъ — „принцъ эпохи Возрожденія“, сынъ конца XVI вѣка, а не изящный писатель и кабинетный ученый конца XIX вѣка, и вотъ почему кровавая расправа за отца представляется ему священнымъ долгомъ, я говорю священнымъ, такъ какъ обычай этотъ былъ дѣйствительно освященъ вѣковыми традиціями **). Но не забудемъ, что истиннымъ, такъ сказать, чистокровнымъ представителемъ традиціонныхъ взглядовъ о чести и сыновнемъ долгѣ, Шекспиръ сдѣлалъ Лаэрта, а не Гамлета. Въ Гамлетѣ, напротивъ, одержали верхъ не понятія XVI-го вѣка — онъ является именно жертвой ихъ, — а общечеловѣчскіе идеалы о высокомъ достоинствѣ личности.

*) Читая такую характеристику, не знаешь, на что возразить: почему критика удивляется, что Гамлетъ хочетъ отомстить „самолично“ — непонятно: не обращаться же ему въ этомъ случаѣ къ третьему лицу? Что же касается фехтованья, то это искусство какъ разъ и пригодилося Гамлету, чтобы покончить съ вотчиномъ.

**) Современники Шекспира по своимъ религіознымъ вѣрованіямъ еще не далеко ушли отъ эпохи средневѣковья. По средневѣковымъ же вѣрованіямъ души умершихъ безъ покаянія (а отецъ Гамлета такъ именно и умеръ), во-первыхъ: никогда не попадутъ въ рай; во-вторыхъ, осуждены на вѣчное блужданіе по свѣту, и въ-третьихъ, онѣ не успокоятся до тѣхъ поръ, пока не будутъ отомщены на землѣ близкими; такимъ образомъ король Клавдій совершилъ двойное преступленіе надъ отцомъ Гамлета: онъ не только лишилъ его жизни, но и послѣ смерти сдѣлалъ навсегда несчастнымъ (Замѣчаніе автора).

Въ самомъ дѣлѣ, если мы станемъ на точку зрѣнія Брандеса, т.-е. не историческую (единственно научную), а современно-жизненную, то намъ людямъ XX вѣка можетъ показаться странной жестокость Гамлета съ его мечтой о кровавой расправѣ. Вѣдь, зло зломъ не поправишь. Человѣкъ нашего вѣка, можно предполагать а priori, будучи поставленъ въ положеніе Датскаго принца, не сталъ бы искать случая убить своего врага, а постарался бы раскрыть его преступленіе и свергнуть съ престола.

Но не надо забывать, что въ наше время цѣнность человеческой жизни неизмѣримо возросла въ сравненіи съ эпохой Шекспира, когда казни лучшихъ государственныхъ людей никого не удивляли. Итакъ, мы не въ правѣ удивляться, или считать ошибкой со стороны Шекспира способъ мести, съ которымъ „носится“ Гамлетъ по выраженію Брандеса.

Какъ уже видно изъ нашего разбора трагедіи, Гамлетъ самъ тяготится своей ужасной миссіей, и не онъ самъ взялъ ее на себя: она ему навязана его грубымъ полуварварскимъ вѣкомъ (поразительно, какъ могъ не понять этого датскій критикъ!). И одна изъ главныхъ причинъ его трагизма заключается именно въ несоотвѣстствіи утонченности натуры Гамлета съ требованіями кровавой мести, которая одна, по его мнѣнію, можетъ вернуть ему утраченный покой.

Обвинять же Гамлета въ томъ, что сдѣлалось для него самого источникомъ тяжелой душевной муки—можетъ только тотъ, кто лишь поверхностно ознакомился съ великимъ произведеніемъ: тотъ же, кто изучилъ съ благоговѣніемъ каждую строчку текста безсмертной трагедіи, никогда не впадетъ въ подобную ошибку. Мы особенно подчеркиваемъ здѣсь разницу между Гамлетомъ и его современниками: то, что для нихъ являлось священнымъ, долгомъ, для него стало проклятіемъ всей его жизни. Вотъ въ чемъ мы видимъ ключъ къ вѣрному пониманію трагедіи.

Итакъ, мы доказали всю неосновательность обвиненія Брандеса въ кровожадности Гамлета: оно не исторично—а слѣдовательно и не научно.

Теперь достигнута, какъ намъ кажется, и главная цѣль нашей работы разбора трагедіи: мы достаточно выяснили, что заблужденіе старой критики заключалось въ томъ, что колебанія Гамлета передъ актомъ кровавой мести она ошибочно приписывала его безхарактерности, его безспілю воли, тогда какъ для насъ эти колебанія служатъ признакомъ той душевной драмы, на которую всегда обреченъ человѣкъ, опередившій на нѣсколько столѣтій понятія своей эпохи.

Такимъ образомъ, за что старая критика въ теченіе трехъ столѣтій не переставала упрекать Гамлета, за то именно мы преклоняемся передъ нимъ. Вѣдь, если бы Гамлетъ безъ всякихъ колебаній привелъ въ исполненіе свой планъ мести, какъ Лаэртъ, т.-е. поступилъ бы именно въ духѣ XVI вѣка, чѣмъ бы онъ заслужилъ тогда свое безсмертіе?

Но гениальность Шекспира надѣлила своего героя такимъ глубокимъ анализирующимъ умомъ, такой чуткой требовательной совѣстью, такимъ великодушнымъ сердцемъ, что онъ все время борется между благородными стремленіями своей натуры и требованіями, которыя ставитъ ему сама жизнь.

Секретъ обаянія Гамлета надъ людьми заключается въ томъ, что сердце всегда говоритъ въ немъ сильнѣе разсудка.

Не даромъ, когда онъ идетъ на рѣшительное объясненіе съ матерью, онъ обращается къ себѣ съ такимъ призывомъ:

„О, сердце! Не забудь свою природу!

Пусть въ эту грудь не вступитъ духъ Нерона,

Будь человѣчески жестокъ, о Гамлетъ!“

Въ этихъ словахъ—вся природа Гамлета, а такъ какъ требованія разума мѣняются съ каждой эпохой, а требованія сердца вѣчны, то и образъ Гамлета принадлежитъ вѣчности.

Въ сущности вся трагедія есть борьба героя за идеалъ человѣка и Гамлетъ оправдываетъ этотъ идеалъ.

Вотъ почему, по замыслу великаго поэта, Гамлета хоронятъ, какъ героя, а торжественная и печальная музыка похороннаго

марша гармонично сливается въ душѣ зрителя въ симфонію печали, примиренія и восхищенія передъ красотой и величіемъ его свѣтлаго образа.

Гамлетъ обрисованъ съ такимъ гениальнымъ совершенствомъ, что встаетъ передъ нами, какъ живой, и дѣлается намъ близокъ, его страданія вызываютъ столько сочувствія, затрагивая благороднѣйшія струны нашей души, а его настроеніе такъ близко и такъ понятно намъ, что хочется невольно проститься съ нимъ словами Горацио:

Разбилось доблестное сердце!

Спи мирнымъ, тихимъ сномъ, о милый принцъ!

Пусть пѣны ангеловъ навѣтъ

Сонъ золотой измученной душѣ.

Гамлетъ заставляетъ насъ вѣрить, что до тѣхъ поръ, пока на землѣ будутъ Гамлеты, не можетъ быть „страшно за чело-вѣка“!

Санна. (С. М. П—а).

ЮСИФЪ КАЙНЦЪ ВЪ „ГАМЛЕТѢ“.

(Изъ личныхъ воспоминаній).

Кто видѣлъ Гамлета въ исполненіи Кайнца, тотъ, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ жизни стоялъ лицомъ къ лицу съ чело-вѣческимъ гениемъ.

Въ Гамлетѣ Кайнецъ проявилъ все лучшее, что было въ его огромномъ художественномъ талантѣ.

Драматическое искусство было для Кайнца одновременно и „мученичествомъ“, и „мистеріей“.

Артистъ представлялся ему какимъ-то безпріютнымъ, неимущимъ, лишеннымъ мира, бродящимъ по землѣ существомъ, живущимъ лишь для того, чтобы на сценѣ, въ перевоплощеніи великихъ образовъ, хотя бы на моментъ коснуться своей душой—души мірового духа.

Его игра, вѣришь—его жизнь на сценѣ, жизнь повышенная—особенно въ Гамлетѣ, была какимъ-то священнодѣйствіемъ.

Какъ много вкладывалъ онъ въ эту роль. Одиноко, какъ чужой, какъ посланникъ безыменнаго Бога, бродилъ Кайнецъ—Гамлетъ по землѣ со своими лучшими чувствами.

Я вспоминаю небольшой эпизодъ, происшедшій во время представленія „Торкватто Тассо“—Гёте.

Театръ волновался и безъ конца вызывалъ Кайнца. Онъ вышелъ и поблагодарилъ.

Возвратившись, онъ сказалъ съ печалью въ глазахъ: „Онн радуются и волнуются, а между тѣмъ, предыдущую сцену я сыгралъ значительно лучше, и она не произвела впечатлѣнія“.

Грезы витали надъ Кайнцемъ—дивныя грезы образы, которые потомъ онъ воплощалъ на сценѣ.

Какъ безгранична была его мечтательная душа: раскаленный кратеръ, тихій цвѣтушій садъ съ голубыми фіалками въ золотѣ заката... Буря и водопадъ, спокойное тихое озеро съ бѣлыми лебедями на блестящемъ зеркалѣ воды. Божественно-буйный юноша съ винограднымъ вѣнкомъ въ волосахъ, элегическій, нѣжный, удивительно нѣжный и блѣдный, какъ если-бы полный мѣсяцъ всходилъ въ его душѣ...

Онъ могъ быть грустнымъ и задумчивымъ, какъ развалины дивныхъ руинъ, шаловливымъ, какъ вакханка съ жезломъ Вакха въ рукахъ.

Да, богатъ былъ Кайнецъ въ своихъ превращеніяхъ, удивительно разнообразна была скала его души. Но только послѣ многихъ сыгранныхъ ролей, счелъ онъ себя, наконецъ, достаточно зрѣлымъ, чтобы дать намъ Гамлета.

Работой, не прерывавшейся всю его жизнь, придавалъ Кайнецъ своимъ словамъ и жестамъ, голосу и тѣлу—поистиннѣ художественную форму. Въ горячей жаднѣ знанія ставилъ онъ постоянно передъ собой все новые и новые вопросы темной судьбы, пока, наконецъ, не перешелъ къ своему Гамлету.

Его тѣло было уже тогда, какъ бы покорной глиной во власти души.

Я зналъ уже раньше силу страсти и одновременно силу преодоленія Кайнца. Я видѣлъ его въ „Торкватто Тассо“, въ „Ромео“, — но въ Гамлетѣ страсть Кайнца достигла своего зенита, сдерживаемая въ то же время величайшею мудростью.

Гамлетъ Кайнца—законченный синтезъ природы и культуры.

Кайнецъ былъ великимъ мастеромъ слова и обладалъ блестящей техникой. Голосъ и мимика его повиновались малѣйшимъ движеніямъ его души, его глаза могли блистать гнѣвомъ, какъ острый кинжалъ, грозить, какъ палицей, привлекать, какъ бездна, они могли ласкать, кокетничать, щекотать, ослѣплять, наполнять радостью.

Это былъ уже предѣлъ достиженія, выше котораго идти нельзя.

Такъ могъ играть только человѣкъ, котораго уже коснулось дыханіе смерти.

Такъ и случилось: вскорѣ послѣ представленія Гамлета—Кайнца умеръ.

Гамлетъ былъ его лебединой пѣснью...

Уже при первомъ выходѣ Гамлета-Кайнца ясно ощущалось—это Гамлетъ, который не будетъ жить, потому что земля и люди, которые окружаютъ его, слишкомъ низки и подлы. Это Гамлетъ, уже обреченный на трагическую смерть; это человѣкъ, который будетъ искать гибели и умереть даже въ томъ случаѣ, если не появится передъ нимъ духъ, напоминающій ему о мести и смерти.

Чувствовалось, что Гамлетъ Кайнца — это былъ Гамлетъ, гибнущій не отъ безволія или сомнѣнія; нѣтъ—его душа была не отъ міра сего; онъ, казалось, несъ въ своей груди блескъ вѣчныхъ звѣздъ. Какъ и зачѣмъ могъ онъ жить? Его положеніе было непреодолимой дисгармоніей между душой и землей.

Съ какимъ трагизмомъ произносилъ онъ слова:

„Весь міръ кругомъ разстроенъ и вѣдь надо жъ

Бѣдѣ случиться было, что м е н я назначилъ рокъ бороться съ злобой дня“.

Его великая боль, его драма заключались въ томъ, что онъ чувствовалъ, какъ блескъ его души тускнѣетъ во мракѣ людской пошлости.

Робертъ Адельгеймъ въ роли Гамлета.

Каратыгинъ въ роли Гамлета.

Гамлетъ Кайнца ходитъ, какъ бы на шаткомъ канатѣ, между бездной свѣта и бездной тьмы.

Онъ долженъ убить человѣка, но въ то же время онъ видитъ свою нѣжно любимую мать въ рукахъ убійцы и клятвopеступника... Можно ли удивляться, что порой онъ походитъ на безумнаго?

Его сердце было чуждо золоту троновъ и фальшивой позолотѣ фальшивыхъ величествъ на тронѣ. Временами сверкали его глаза и извивались въ нихъ какъ бы змѣи недовѣрія и подозрѣнія. Его рука тянулась къ кинжалу и... падала безсильной: его небесная душа не хотѣла запятнать себя человѣкоубійствомъ. Да, это былъ Гамлетъ, который не хотѣлъ запятнать себя на землѣ! — и, кромѣ того, это былъ принцъ всѣмъ существомъ своимъ. Царственная кровь. Онъ любитъ Офелію, любитъ безгранично и чисто и сердце его, кажется, готово разорваться при словахъ:

„Я любилъ тебя...

Иди въ монастырь, Офелія...“

Какъ удивительно звучатъ его разговоры съ Полоніемъ, Розенкранцемъ и Гильденштерномъ, съ актерами, и на кладбищѣ. Чувствовалось при этихъ разговорахъ, что въ нихъ играетъ роль не только то, что говорятъ, но прежде всего, какъ говорятъ. Кайнецъ разсыпалъ слова, какъ искры свѣта вокругъ себя. Въ послѣднихъ сценахъ обрелъ Гамлетъ Кайнца спокойствіе и свѣтъ. И снова возсіяла душа его, какъ бы снисшедши съ звѣзднаго неба, и какъ освобожденіе звучатъ слова:

„Главное дѣло—быть готовымъ на все и всегда.

„А потому — будь, что будетъ“.

Незабываемой остается сцена смерти. Гамлетъ-Кайнецъ кажется чрезвычайно довольнымъ, что умираетъ. Голосъ его дрожитъ радостно, когда онъ произноситъ слова:

„Я умираю, Горацио!“

Пинема, вскрыватель трупов—г. Кузнецовъ.
Рис. Эльскаго. (Репр. воспр.)

И когда Горацио произноситъ слова:

„...Покой желанный
Навѣстятъ на голову твою
Небеснымъ хоромъ ангеловъ“,

то чувствуешь, что эту исчезающую душу съ пѣніемъ будутъ провожать сонмы ангеловъ.

Ощущалось: свою лучезарную душу вручить Гамлетъ Богу такой же лучезарной. Онъ ушелъ, какъ побѣдитель надъ жизнью, какъ побѣдитель надъ земной пошлостью.

Съ прекраснымъ чувствомъ красоты и освобожденія покидалъ я театръ.

Иоганнесь Кордесъ.

ТЕАТРЪ К. НЕЗЛОБИНА.

„Новый жрецъ“ Н. А. Крашенинникова. „Безкорыстный другъ“ пьеса въ 1-мъ дѣйствіи Юрія Жулавскаго.

Авторъ пьесы „Новый жрецъ“ назвалъ свое сочиненіе „сказкой сѣдыхъ временъ умершаго Египта“. Въ ней три дѣйствія. Невольно воскрешаются въ памяти романы Эберса „Уарда“ и „Дочь египетскаго царя“, когда слышишь со сцены эти, правда уже позабытыя, но когда-то чрезвычайно занимательныя разсужденія и разговоры египтянъ. Въ романахъ Эберса все понятно. Сочинены они схематично, но недоумѣній не возбуждаютъ. Всякая ритуальная подробность, всякій этнографическій штрихъ надобны автору. Когда же смотришь пьесу г. Крашенинникова, почерпнувшего такъ обильно изъ Эберса, то убѣждаешься, что это произведеніе, исключившее всяческую психологію дѣйствующихъ

лицъ. Минутами не понимаешь самыхъ событій. Напримѣръ, почему, въ то время, какъ всѣ бѣгутъ съ наступленіемъ ночи отъ храма, дочь царя попадаетъ въ это святилище мертвыхъ. Въ сущности, пьеса г. Крашенинникова это непрестанный рядъ явленій механически связанныхъ между собой. Персидъ зрители проходятъ и разсказываютъ о себѣ: параскиды, вскрыватель труповъ, жрецы, какой то Лаакеръ-азіатъ, сопровождающій дочь фараона, сама дочь Рамзеса, дочь „свѣтлаго солнца“ Бенъ-Анатъ, какая то Уарда. Кстати зритель недоумѣваетъ, почему Уарда бѣлая среди этихъ темнокожихъ египтянъ. Почему такъ настойчиво указывается нѣсколько разъ, что Пентауръ, новый жрецъ, низкаго происхожденія—сынъ садовника. Но это было бы все понятно, если бы г. Крашенинниковъ написалъ еще немного въ поясненіе зрителямъ изъ „Уарды“ Эберса. Тогда бы стало извѣстно, что случайно Уарда бѣлая и что у нея на шеѣ какой-то амулетъ, который объяснитъ ся царственное происхожденіе отъ бѣлой расы, что и Пентауръ, влюбленный въ царскую дочь также царственного происхожденія и что въ этомъ вся интрига романа. И все тонетъ въ многословіи безпрестанно очищающаго верховнаго жреца Амени. Вотъ и вся пьеса.

Толпа, занимающая столько мѣста въ дѣйствіи пьесы г. Крашенинникова, въ общемъ, давала зрителю единый рисунокъ, временами построенія ея весьма оригинальны и, вмѣстѣ съ тѣмъ, естественны; видимо, на эту сторону постановки потрачено не мало труда въ смыслѣ замѣны обычныхъ, такъ сказать, „мас-совокъ“ индивидуализаціей типовъ толпы; впрочемъ, нѣкоторые, взятые въ отдѣльности, моменты ея жизни произвели нѣсколько отрицательное впечатлѣніе. Напримѣръ, этотъ вой въ видѣ реплики на какія-то слова верховнаго жреца, когда толпа лежитъ въ ужасѣ. Въ декоративномъ отношеніи интересенъ первый актъ, дающій моменты красивой иллюзіи.

Исполнителей въ этой пьесѣ чуть не семьдесятъ человекъ и естественно, что въ этой массѣ лицъ не всѣ были удовлетворительны. Напримѣръ, какъ намъ показалось, совершенно

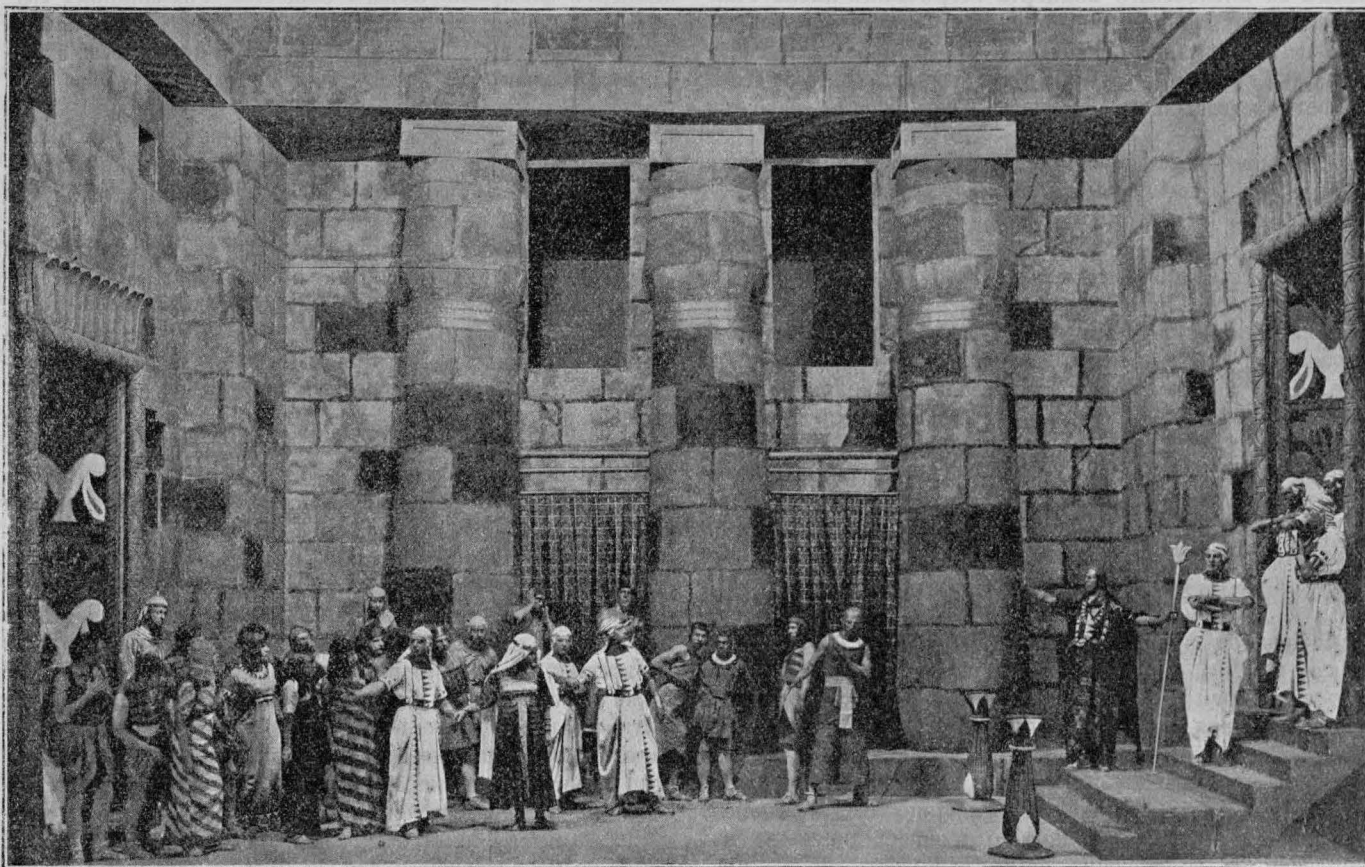

Рис. Эльскаго.

(Репродукція воспринята).

Верховный жрецъ Амени—г. Леонтьевъ.

ТЕАТРЪ НЕЗЛОБИНА.

2-й актъ.

„Новый жрецъ“.

неумѣстный натурализмъ обнаружилъ своей игрой А. А. Громовъ, который, исполняя роль привратника, какъ-то ужъ слишкомъ подчеркивалъ и безъ того понятныя черты лѣности и алчности прислужника.

А. В. Рудницкій (новый жрецъ)—Пентауръ далъ вполне законченный образъ и увлекъ своей вдумчивой и искренней игрой, всею осанкой, спокойствіемъ и затаенной страстностью. Очень характерную фигуру вскрывателя труповъ Пинема, что то загнанное, жалкое, но непреклонное далъ С. Л. Кузнецовъ. Очень интересенъ его гримъ. Его жесты были обдуманно небогаты и въ этой элементарности, намъ показалось, онъ нашель образъ Пинема. Такъ же хорошъ гримъ и нарочито холодная игра П. И. Леонтьева въ роли верховнаго жреца Амени. Его голосъ заставлялъ вѣрить въ ту силу, которую онъ олицетворялъ. Е. Т. Жихарева минутами то убѣждала, что образъ Бентъ-Анатъ, царской дочери, который создавала она, дышетъ юностью, дерзостью, то въ ней не чувствовалось ни обаянія, ни легкости; артистка забывала, что она „дочь свѣтлаго солнца“ и что поэтому нельзя изображать просто соперницу въ любви, внѣ знойности чувства и властности типа фараоновой дочери.

Въ изящной пьесѣ Жулавскаго, шедшей на первомъ представленіи въ концѣ спектакля, прекрасно играла В. Л. Юрнева. Ея простыя манеры и такія жизненные интонаціи и эти, удивительно кстати, обрывающія какое-нибудь ея настроеніе рѣзкія движенія (такъ она бросила окурокъ, потомъ платокъ) очень запоминаются и рисуютъ вполне опредѣленный типъ женщины.

„Новый жрецъ“ вызвалъ долго неумолкавшіе аплодисменты сверху и сверху же вызовы автора. Авторъ выходилъ на нихъ много разъ.

Вас. Сахновскій.

КОНЦЕРТНАЯ НЕДѢЛЯ.

Марчелла Зембрихъ.—Симфоническій концертъ Русскаго Музыкальнаго Общества.—Симфоническій концертъ филармоническаго общества.—Симфоническій концертъ С. Кусевицкаго.

Есть пѣвицы, слава которыхъ приняла какой-то легендарный характеръ: Патти, Малибранъ, Лукка, Вјардо. Мы слушаемъ эти имена съ благоговѣніемъ и преклоняемся предъ ними безпрекословно. Преданіе о нихъ полно чудесъ. Съ удивленіемъ мы выслушиваемъ рассказы нашихъ бабушекъ и дѣдушекъ о ихъ феноменальныхъ голосахъ, о недостижимой, къ сожалѣнію, въ нынѣшній вѣкъ виртуозности пѣнія.

Единственная пѣвица этого типа, дѣятельность которой простирается до нашего времени—Марчелла Зембрихъ.

Музыкальные словари сообщаютъ, что Зембрихъ начала свою блестящую карьеру, свое триумфальное шествіе по всѣмъ культурнымъ странамъ свѣта, уже 34 года тому назадъ. Со сценой она простилась недавно и посвящаетъ себя въ послѣдніе годы исключительно концертному пѣнію. Если голосъ г-жи Зембрихъ (рѣдкое по діапазону и ровности звука сопрано) и не сохранилъ всей свѣжести тембра прежнихъ лѣтъ, чарующаго слушателей своей необыкновенной мягкостью и нѣжностью, то ея пѣніе, всетаки, и теперь еще доставляетъ немало удовольствія и настоящаго эстетическаго наслажденія. Благодаря безупречной школѣ, г-жа Зембрихъ владѣетъ своимъ голосомъ, какъ послушнымъ и покорнымъ инструментомъ. Кромѣ того, природа одарила ее совершенно исключительной для пѣвицы музыкальностью. Мы узнаемъ изъ тѣхъ же музыкальныхъ словарей, что Марчелла Зембрихъ, до „открытія“ своего голоса, выработала изъ себя превосходную піанистку и недюжинную скрипачку.

Что артистка сохранила музыкальную воспримчивость

юности, доказывают программы ее концертов. На программѣ ее московскаго концерта встрѣчались имена Рих. Штрауса, Рахманинова и Шарпантье (арія изъ „Луизы“). Исполненіе этихъ вещей рядомъ съ аріей изъ „Эрнани“ Верди показывало, что г-жа Зембрихъ въ совершенствѣ владѣетъ музыкальнымъ стилемъ совершенно разныхъ эпохъ.

Романсы Чайковскаго и Рахманинова были исполнены на русскомъ языкѣ. Дикія пѣвицы оказались почти безукоризненной. Это могло удивить только тѣхъ слушателей, которые не знали, что г-жа Зембрихъ — полька. Ея фамилія собственно — Коханска. Зембрихъ — фамилія ея матери.

Концертъ г-жи Зембрихъ собралъ довольно много публики, но для имени этой пѣвицы, все-таки, слишкомъ мало. Была налицо, конечно, вся польская колонія, представители которой устроили своей знаменитой соотечественницѣ бурныя оваціи.

При исполненіи г-жею Зембрихъ мазурки Шопена артистка сняла перчатки и проаккомпанировала себѣ мазурку Шопена сама, хотя ея отличный аккомпаниаторъ, г. Ла-Форжъ, сдѣлалъ бы это навѣрное не хуже.

* * *

Очередное симфоническое собраніе Русскаго музыкальнаго общества оставило въ слушателяхъ мало отрадное впечатлѣніе, несмотря на участіе Шаляпина, благодаря которому Большой залъ Консерваторіи былъ переполненъ публикой.

Оркестровую часть программы дирижировалъ, вмѣсто заболѣвшаго Э. А. Купера, М. М. Ипполитовъ-Ивановъ. Безучастное, почти сонливое отношеніе дирижера къ исполняемымъ сочиненіямъ, не могло вызвать ничего другаго, кромѣ смертельной скуки. Дирижированіе этого весьма почтеннаго музыканта страдаетъ какой-то слишкомъ „истинно-русской“ халатностью, весьма нежелательнымъ образомъ отзывающейся и на игрѣ отдѣльных оркестровыхъ музыкантовъ. Въ h-moll'ной симфоніи Бородина и въ двухъ отрывкахъ изъ „Китежа“ Римскаго-Корсакова (что это за прекрасная музыка!) были переданы однѣ лишь ноты, и то далеко не въ безупречномъ видѣ. Только знаменитая „Сѣча при Керженцѣ“ изъ „Китежа“ была въ техническомъ отношеніи исполнена превосходно. И, несмотря на вялую и безжизненную интерпретацію дирижера, даже была биссирована.

Недавно еще выступленія Шаляпина въ симфоническихъ концертахъ были настоящими праздниками для музыкальной Москвы. На этотъ разъ же были разочарованы и самые ярые поклонники его. Говорятъ, что Шаляпинъ страдаетъ острымъ разстройствомъ голосовыхъ связокъ. Надо надѣяться, что это—временное заболѣваніе. Голосъ знаменитаго пѣвца звучалъ тускло, и артистъ справлялся съ нимъ далеко не такъ свободно и легко, какъ въ прежнія времена. Благодаря этому, интерпретація его ни разу не поднялась до той изумительной выразительности и побѣдоносной силы, которой онъ привыкъ покорять своихъ слушателей. Даже боевой номеръ Шаляпина,—разсказъ Варлаама изъ „Бориса Годунова“, былъ спѣтъ какъ-то нехотя и совершенно не произвелъ прежняго захватывающаго впечатлѣнія. Арія Шакловитаго изъ „Хованщины“ („Спѣтъ стрѣлцкое гнѣздо“) оказалась Шаляпину совсѣмъ не по голосу, доставляя, видимо, пѣвцу мученіе на высокихъ нотахъ. Конечно, самъ Шаляпинъ не могъ не замѣтить недостатковъ своего пѣнія и поэтому, спѣвъ два-три романса на bis, онъ болѣе не выходилъ на вызовы публики.

* * *

Филармоническіе концерты все еще продолжаются подѣ счастливой звѣздой С. В. Рахманинова.

Въ послѣднемъ предпраздничномъ симфоническомъ концертѣ филармоническаго общества Рахманиновъ сыгралъ b-moll'ный фортепіанный концертъ Чайковскаго и сыгралъ его такъ, какъ будто каждая нота была написана специально для него и только для него. Давая, гдѣ нужно, полную волю колоссальной виртуозности своей игры, Рахманиновъ обращалъ главное вниманіе на толкованіе внутренняго содержанія этого чрезвычайно красочнаго сочиненія. Кантилены Чайковскаго, недалекія иногда отъ нѣкоторой банальности, звучали подѣ рукой Рахманинова какъ-то особенно просто и благородно, приобрѣтая убѣдительность большого искренняго чувства. Оркестровый аккомпаниментъ подѣ управленіемъ А. Зилоти слѣдилъ, кѣ сожалѣнію, туго и неуклюже за художественными замыслами піаниста. Въ прошломъ году московская публика слушала этотъ же концертъ при обратномъ распредѣленіи ролей участвующихъ, т. е. игралъ Зилоти, а Рахманиновъ уже тогда доказалъ своимъ необыкновенно тонкимъ аккомпаниментомъ, какъ глубоко онъ вникъ въ содержаніе этого сочиненія. Какъ жаль, что невозможна третья комбинація, при которой Рахманиновъ одновременно-бы игралъ и дирижировалъ!

Зилоти-дирижеръ—явленіе безнадежное. Десять лѣтъ онъ неустанно и добросовѣстно трудится, чтобы добиться данныхъ дирижера, въ которыхъ природа ему отказала. И, все-таки, онъ не подвинулся ни на шагъ впередъ. Все та-же неувѣренность и неопредѣленность взмаха, та-же шаткость темпа, та-же неубѣдительность фразы. Оркестръ парализуетъ дирижера, а онъ—оркестръ.

Оркестровые номера программы въ исполненіи г. Зилоти, кѣ сожалѣнію, не оставили ни малѣйшаго впечатлѣнія. А между ними были такія превосходныя сочиненія, какъ, не исполнявшееся еще въ Москвѣ, Concerto grosso Корелли. Несомнѣнная заслуга А. Зилоти, какъ дирижера, заключается въ томъ, что онъ старается вновь возбудить въ публикѣ интересъ къ незабвеннымъ шедеврамъ старинной оркестровой литературы, особенно кѣ твореніямъ

ТЕАТРЪ НЕЗЛОБИНА.

Новый жрецъ Пентауръ—г. Рудницкій.

Баха, которыя неизвѣстны даже, такъ называемымъ, „хорошимъ“ музыкантамъ теперешняго времени. Съ этой точки зрѣнія, пожалуй, было допустимо и исполненіе знаменитой Чаконны Баха въ ловкой и благозвучной инструментовкѣ петербургскаго композитора Штейнберга. Но было бы, всетаки, болѣе желательнымъ, чтобы Зилоти держался при своей пропагандѣ Баха подлинныхъ сочиненій его. Такія инструментовки, собственно, никому не чужны. Они всегда искажаютъ настоящий смыслъ инструментуемаго сочиненія своей излишней претенціозностью. Двѣ красочныя, нѣсколько импрессионистическія, пьесы бельгійскаго композитора Роже-Дюкасса дополнили оркестровую часть программы.

Г-жа Збруева, голосъ которой блещетъ неуязвимой красотой, спѣла нѣсколько русскихъ народныхъ пѣсенъ, къ которымъ А. Лядовъ прибавилъ весьма тонкій и стильный оркестровый аккомпаниментъ. Все же эта музыка, въ рамкахъ симфоническаго концерта, была какъ-то не къ мѣсту. Она слишкомъ быстро соприкасается съ жанромъ Плевичкой и „Петербургскаго вокальнаго квартета“. Громадное удовольствіе г-жа Збруева доставила слушателямъ романсами Рахманинова, спѣтыми на bis подъ восхитительный аккомпаниментъ автора.

* *

Прекрасное, на рѣдкость цѣльное художественное впечатлѣніе оставилъ пятый Симфоническій концертъ С. Кусевицкаго, посвященный всецѣло творчеству Н. К. Римскаго-Корсакова. Произведенія Римскаго-Корсакова появляются сравнительно рѣдко на программахъ симфоническихъ концертовъ. Творцомъ „Снѣгурочки“ написано небольшое количество орис'овъ чисто концертной музыки. Чтобы составить программу симфоническаго концерта изъ сочиненій Римскаго-Корсакова, почти необходимо заесть у оперной литературы. Такъ именно, поступилъ С. Кусевицкій въ отчетномъ концертѣ. Во второмъ отдѣленіи было цѣликомъ исполнено третье дѣйствіе изъ оперы-балета „Млада“, получившее

въ „концертной обработкѣ“ наименованіе „Ночь на горѣ Триглавѣ“.

Римскій-Корсаковъ, по всему существу своего таланта, не былъ симфонистомъ. Зная это, онъ никогда и не пытался сдѣлаться таковымъ. Предметъ чисто симфонической музыки — переживанія самого автора. Римскій-Корсаковъ, какъ будто принципиально, оставляетъ въ сторонѣ въ своей музыкѣ свое собственное „я“. Его музыка почти всегда носитъ изобразительный и описательный характеръ. Эту сторону своей музыки онъ, дѣйствительно, довелъ до апогея. Какъ непревзойденный мастеръ инструментовки онъ владѣлъ всѣми средствами музыкальнаго „изображенія“ въ небываломъ совершенствѣ.

Оркестровая живопись Римскаго-Корсакова празднуетъ въ „Младѣ“ настоящую оргію. Музыки — „языка души“ — здѣсь почти что нѣтъ. За то по красочности инструментовки это сочиненіе не имѣетъ себѣ равныхъ.

Оркестръ Кусевицкаго игралъ выше всякой похвалы. Нѣкоторая склонность дирижера къ замедленію темповъ испугалась идеально-чистой отдѣлкой всѣхъ мельчайшихъ деталей партитуры.

Другимъ капитальнымъ номеромъ программы была симфоническая сюита „Антаръ“. Игралась она въ послѣдней, кажется, еще неизданной редакціи. Римскій-Корсаковъ нѣсколько разъ перерабатывалъ это юношеское сочиненіе. Послѣдняя редакція имѣетъ несомнѣнные преимущества передъ прежними, только кое-гдѣ непосредственность музыкальныхъ мыслей какъ-то страдаетъ отъ слишкомъ искусственнаго изложенія.

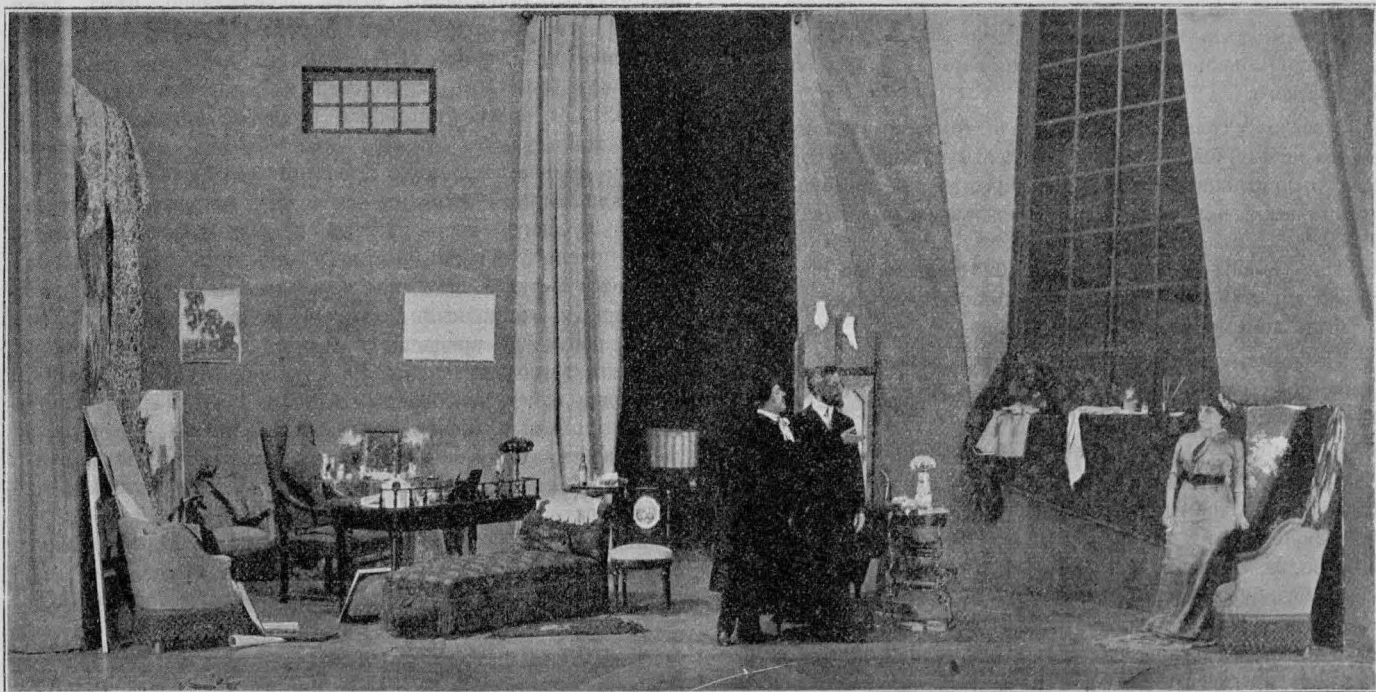
И въ „Антарѣ“ оркестръ и дирижеръ оказались вполне на высотѣ задачи, передавая эту сложную партитуру въ безукоризненно законченномъ видѣ.

Всякій, кому дорого творчество Римскаго-Корсакова, съ благодарностью сохранить въ памяти этотъ прекрасный вечеръ.

Между оркестровыми номерами И. В. Грызуновъ отлично спѣлъ пѣсню веденецкаго гостя изъ „Садко“ и нѣсколько романсовъ на bis.

Риземанъ.

ТЕАТРЪ НЕЗЛОБИНА.

„Безкорыстный другъ“.

ОПЕРА ЗИМИНА.

„Борисъ Годуновъ“.

«Борисъ Годуновъ» возобновился въ оперѣ Зимина. Это уже не хорошо. Оперы Мусоргскаго должны не «возобновляться», а, вообще, не сходить съ репертуара зиминскаго театра. Ни «Борисъ», ни «Хованщина». Но что же мы видимъ? Какъ только вновь появился на сценѣ «Борисъ», такъ исчезла съ репертуара «Хованщина». И съ «возобновленіемъ» «Хованщины», вѣроятно, «Борисъ» будетъ снова сданъ въ архивъ.

Это не хорошо.

Неужели нельзя привести въ равновѣсіе благосклонность завѣдующаго репертуаромъ по отношенію къ обѣмъ операмъ?

Надо отдать справедливость дирекціи оперы Зимина. Она старается всѣми силами разнообразить репертуаръ театра. Но всѣ эти «Луизы», «Долнины», «Фигляры» хороши только тогда, когда лучшаго нѣтъ, или когда это «лучшее» уже использовано.

Въ русской оперной литературѣ нѣтъ ничего, что могло бы сравниться съ «народными музыкальными драмами» Мусоргскаго. Ни Чайковскій, ни Римскій-Корсаковъ не дошли, при всей своей культурности, до того, чего достигъ Мусоргскій своимъ гениемъ, грубымъ и неотесаннымъ, но необычайно сильнымъ и пронзительнымъ. Да и среди излюбленныхъ «заграничныхъ» драматическихъ композиторовъ нѣтъ, кромѣ Вагнера, ни одного, кто пришелъ бы по плечу Мусоргскому.

Только въ послѣднее десятилѣтіе оперная публика стала понимать, какой безцѣнный вкладъ Мусоргскій вложилъ въ русскую музыкально-драматическую литературу. Но все же далеко еще не установилось такое отношеніе публики къ творцу «Бориса Годунова» и «Хованщины», какое онъ заслуживаетъ.

Оперѣ Зимина представляется прекраснѣйшая задача: окончательно перевоспитать московскую публику въ своихъ отношеніяхъ къ Мусоргскому. Примѣръ Вагнера и нѣмецкой публики доказываетъ, насколько легко такое воспитаніе удается, если только приложить надлежащее стараніе.

Немыслимо, въ концѣ-концовъ, чтобы не настало время, когда московская публика окончательно пойметъ, какъ пензѣмъ выше всякихъ «Риголетто» и «Травиатъ» стоитъ ея родное оперное искусство, именно въ лицѣ твореній Мусоргскаго.

Начало сдѣлано. Десять лѣтъ тому назадъ и силой никого нельзя было заставить слушать музыку Мусоргскаго, пока непризнанному гению не пришли на помощь такіе артистическіе величины, какъ Шаляпинъ и Оленина д'Альгеймъ, да и нѣкоторые театры, между ними—опера Зимина. Но надо ковать желѣзо, пока оно горячо, не униматься въ своемъ стараніи изъ-за расчетливости или какихъ бы то ни было постороннихъ причинъ.

Поэтому хочется надѣяться, что дирекція зиминской оперы пойдетъ навстрѣчу такимъ желаніямъ, и въ будущемъ обойдется безъ «возобновленій» оперъ, которыя будутъ принадлежать къ постоянному несмѣнному репертуару театра.

Это желаніе не трудно исполнить, въ виду того, что музыкальныя драмы Мусоргскаго принадлежатъ безусловно къ наиболѣе удачнымъ постановкамъ зиминской оперы. Конечно, и «Борисъ Годуновъ» и «Хованщина» содержатъ такую бездну красотъ, музыкальныхъ, драматическихъ и психологическихъ, что ихъ нельзя сразу исчерпать. Но, во всякомъ случаѣ, сценическіе и музыкальные руководители оперъ Мусоргскаго въ театрѣ Зимина, да и отдѣльные исполнители ролей сдѣлали въ этомъ отношеніи не мало. Достигнуть такой уровни исполненія, при которомъ требуется уже нѣсколько большая мѣра достоинства.

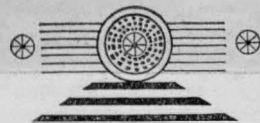
Рафаиль Адельгеймъ въ роли Гамлета.

Слушалъ возобновленнаго «Бориса», сознаюсь, съ огромнымъ наслажденіемъ, которое приписываю не только качествамъ самой музыкальной драмы, но и исполненію.

Сцена—чрезвычайно жизненна. «Реализмъ» Мусоргскаго нашелъ въ лицѣ П. С. Оленина весьма подходящаго толкователя. Сцена «подъ Кромами» поставлена мастерски, да и остальные народныя сцены, занимающія въ «Борисѣ» весьма широкое мѣсто, производятъ сильное и яркое впечатлѣніе. Обстановка и декорации на рѣдкость удачны. Изъ отдѣльных исполнителей каждый создаетъ характерный, выпукло очерченный образъ. Борисъ г. Сперанскаго нѣсколько мягокъ и лириченъ, но вполне убѣдителенъ въ своей художественной цѣнности. Очень хороши г. Дамаевъ—Самозванецъ и г-жа Маклецкая—Марина. Характеры эти, между прочимъ, у Мусоргскаго обрисованы менѣе опредѣленно, чѣмъ даже большинство эпизодическихъ фигуръ. Между ними превосходны г. Пикокъ (Шуйскій), г. Трубинъ (Пимень), г. Донецъ (Рангони), г. Галецкій и Зиновьевъ (Варлаамъ и Мисаилъ) и г-жа Ростовцева (хозяйка корчмы). Да, въ «Борисѣ Годуновѣ» какъ-то каждый изъ участвующихъ нашелъ «свою» роль, даже г. Волгинъ (юродивый).

Единственный факторъ исполненія, оставляющій желать много лучшаго, это—оркестръ. Г. Плотноковъ проводитъ оперу очень увѣренно, хоры звучатъ отлично, во второй картинѣ третьяго дѣйствія и въ сценѣ «подъ Кромами» достигается громадный подъемъ, но все же почти всѣ детали партитуры пропадаютъ въ мало дисциплинированномъ оркестрѣ зиминской оперы. Во что, напримѣръ, превратился гениально инструментованный трезвонъ въ началѣ второй картины! Безпорядочное галдѣніе зиминскаго оркестра не дало ни малѣйшаго понятія о художественномъ замыслѣ автора. И оперный капельмейстеръ долженъ помнить, что каждая нота написана авторомъ съ любовью, и съ любовью же она должна быть исполнена. Успѣхъ такого отношенія къ партитурѣ не минуетъ сказаться.

Риземанъ.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ВЫСТАВКИ.

I.

„МОСКОВСКИЙ САЛОНЪ“.

18 декабря открылась вторая выставка общества „Московский Салонъ“, организованного въ прошломъ году группой молодыхъ художниковъ.

Стремление къ новымъ достижениямъ очень ясно выражено въ произведеніяхъ большинства участниковъ выставки.

Какъ-то невольно напрашивается сравнение этой выставки, созданной молодыми силами, съ недавно закрывшейся выставкой „Миръ Искусства“, гдѣ устроителями были корифеи отечественнаго искусства. Послѣднихъ погоня за „новыми словами“ привела къ весьма печальному результату. вмѣсто новыхъ словъ на ихъ выставкѣ слышался однообразный лепетъ „бубновыхъ“ младенцевъ.

Художники же „Московского Салона“ обходятся безъ такого рода гастролеровъ и сами находятъ новыя слова, но вполне осмысленныя, а подчасъ и красивыя, и увлекательныя.

Очень цѣннымъ является то обстоятельство, что молодые художники, которые, казалось, скорѣе могли бы увлечься „новаторствомъ“ доморожденныхъ Матисовъ, не соблазнились дешевой шумихой, создавшейся вокругъ издѣлій этихъ „живописцевъ“.

Среди участниковъ выставки „Салона“ есть очень талантливые и въ каждомъ изъ нихъ видно искреннее и серьезное отношеніе къ искусству.

Есть на выставкѣ и слабыя, даже плохія вещи, но если на выставкахъ, устраиваемыхъ прославленными, извѣстными художниками, царитъ смѣсь французскаго съ нижегородскимъ, то можно ли требовать, чтобы организаторы молодого общества, устраивающіе всего лишь вторую выставку, заполнили ее произведеніями исключительно перворазрядными.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что на выставкѣ хорошаго значительно больше чѣмъ плохого.

Много вещей Денисова,—интересныхъ, многообразныхъ исканій, характерныхъ для этого художника. Большое и серьезное мастерство въ превосходныхъ портретахъ Ив. Захарова и его композиціяхъ, въ которыхъ молодой мастеръ обнаруживаетъ незаурядный декоративный талантъ. Своеобразная красота колорита у Захарова счастливо соединяется съ отличнымъ рисункомъ.

Очень привлекательны пейзажи Зайцева, красивые по краскамъ и съ подлиннымъ чувствомъ написанные.

Интересны красочныя композиціи Камзолкина. Особенно удачна картина его „Въ битву“, сильно упрощенная по формѣ и живописи, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дающая значительное впечатлѣніе. Въ жуткомъ силуэтѣ коня и несущейся колесницѣ съ воиномъ художнику удалось передать трагизмъ взятаго момента.

Хорошо разрѣшилъ декоративную задачу Харламовъ въ своемъ женскомъ портретѣ съ красочнымъ, сложнымъ фономъ. Въ композиціяхъ этого художника интересна тонкая и своеобразная гармонія красокъ, а въ любопытной картинѣ „Море волнуется“ передано жуткое клокотаніе могучей водной массы.

Удачно зафиксировано С. Фроловымъ движеніе толпы въ его эскизѣ „У финиша“.

А. Рыбкинымъ выставлена интересная вещь „Катанье въ паркѣ“, гдѣ хорошо подмѣченъ и переданъ характеръ гулянья съ его праздничнымъ настроеніемъ.

Любопытно задуманъ портретъ этого художника.

Красивъ благородный колоритъ въ вещахъ В. Яковлева.

Заслуживаютъ вниманія, тщательно и довольно технично отдѣланные, interior'ы Олейника.

ТЕАТРЪ НЕЗЛОБИНА.

Рис. Деве. „Бентъ-Анатъ“—г-жа Жихарева. (Репр. воспр.).

Павелъ Кузнецовъ выставилъ вещи ниже своего таланта.

Скульптура на выставкѣ незначительна.

Выставленная Златовратскимъ „Голова фавна“ изъ дерева кажется копіей какого-нибудь Коненковскаго произведенія.

Въ общемъ, выставка производитъ благопріятное впечатлѣніе и счастливо выдѣляется среди многихъ другихъ непосредственной свѣжестью своихъ экспонатовъ.

II.

ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ ХУДОЖЕСТВЪ.

Традиціонная періодическая выставка общества любителей художествъ, открылась въ новѣмъ, собственномъ помѣщеніи общества.

Устроители постарались придать выставкѣ нарядный, уютный видъ.

Это заслуживает похвалы; но приятно было бы видеть въ хорошей обстановкѣ и хорошія произведенія искусства, каковыхъ на выставкѣ почтеннаго общества, къ сожалѣнію, не имѣется.

Потенціалъ творческой энергіи членовъ общества давно уже исчерпанъ, и тѣ „художества“, которыя они выставляютъ на показъ, могли бы съ большимъ успѣхомъ покоиться на стѣнахъ квартиръ ихъ создателей.

Молодежь, конечно, не можетъ нести свои вещи на такія выставки, гдѣ нѣтъ ничего живого, гдѣ топчутся на одномъ мѣстѣ какіе-то совершенно безличныя ремесленники.

Общество любителей художествъ располагаетъ средствами, собственнымъ помѣщеніемъ, но не располагаетъ тѣмъ, что именно и нужно для устройства выставокъ: ни любовью къ настоящему, живому искусству, ни пониманіемъ его. Если бы это было не такъ, то выставки общества не наполнялись бы такимъ убогимъ матеріаломъ, какой приходится видѣть на каждой „періодичкѣ“.

Самое слово это, — „періодическая“, звучитъ теперь какъ синонимъ затхлости и бездарности.

Въ этомъ году устроители сдѣлали робкую попытку привлечь „имена“. Но—увы!—попытка эта успѣха не имѣла. Правда, нѣсколько „именъ“ прислали свои произведенія, но какія?

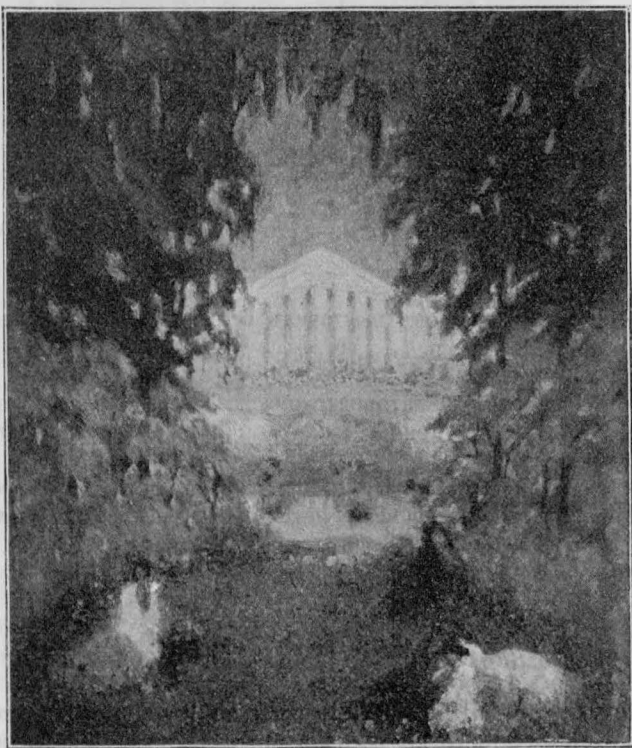
Трафаретные пейзажи Ю. Клевера напоминаютъ олеографіи; почтенный художникъ давно уже съ превеликой настойчивостью повторяетъ себя, просто копируетъ свои прежнія произведенія.

А. Васнецовъ выставилъ нѣсколько этюдовъ, но эти этюды „дѣла давно минувшихъ дней“, и талантливому художнику врядъ ли стоило ихъ и выставлять.

В. Васнецовъ также выискалъ старинный этюдъ и предоставилъ его выставкѣ.

К. Коровинъ далъ весьма растрепанный крымскій этюдъ. Вотъ и почти все, что удалось обществу любителей заполучить отъ „именъ“. Положимъ, „всякое даяніе благо“.

ВЫСТАВКА „МОСКОВСКІЙ САЛОНЪ“.

М. Е. Харламовъ.—„Сказка ночи“.

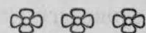
Постоянные участники „періодички“ дали такія же издѣлія, какія они выставляютъ съ отминымъ постоянствомъ въ теченіе долгаго ряда лѣтъ и какія не могутъ подлежать оцѣнкѣ по причинѣ ихъ полнѣйшаго ничтожества.

Премированный пейзажникъ Левина нѣсколько лучше другихъ, но, всетаки, можно себя представить, что за матеріалъ былъ на конкурсѣ общества, если такой мало-значительной вещицѣ пришлось дать премію.

Мѣшковъ, выставивъ на „періодичкѣ“ свои произведенія, нашелъ имъ вполне подобающее мѣсто. Вульгарный, плохо нарисованный и пестрый этюдъ его, а равно и фотографичный рисунокъ соусомъ не свидѣтельствуютъ о вкусѣ живописца.

Неизвѣстно зачѣмъ попавшая на эту выставку, занята сдѣланная, обезьяна Ватагина съ грустной покорностью возсѣдаетъ среди убогихъ „художествъ“ общества любителей.

Д. Варапаевъ.

† Г. Г. МЯСОѢДОВЪ.

(Некрологъ).

Въ Полтавѣ умеръ одинъ изъ главѣйшихъ столповъ передвижничества, художникъ Гр. Гр. Мясоедовъ. Онъ родился въ 1835 г. въ Орловской губерніи. Художественное образованіе получилъ въ академіи художествъ. Большая медаль и заграничная командировка были даны Мясоедову за картину „Григорій Отрепьевъ въ корчмѣ на литовской границѣ“, пріобрѣтшую потомъ большую популярность.

Мясоедовъ былъ основателемъ товарищества передвижныхъ выставокъ. Товарищество это обязано своимъ возникновеніемъ громадной энергіи Мясоедова, который вложилъ въ это любимое имъ дѣло много заботъ и труда.

Художникъ до конца дней своихъ остался вѣренъ передвижничеству, съ которымъ сроднился, и совершенно не признавалъ новыхъ вѣяній въ искусствѣ.

Мнѣ случалось бывать у Мясоедова въ его мастерской въ Ялтѣ и бесѣдовать съ нимъ о художественныхъ дѣлахъ. Мясоедовъ говорилъ о живописи съ горячимъ увлеченіемъ и охотно показывалъ свои работы. Работалъ онъ много; часто ходилъ писать этюды съ натуры.

Зимой на морѣ бывали частыя штормы съ холоднымъ пронизывающимъ вѣтромъ. Набережная покрывалась льдомъ, окна магазиновъ закрывались ставнями. Но часто, на молу, или гдѣ-нибудь у берега, можно было видѣть высокую, характерную фигуру Мясоедова, не взирая на стужу и вѣтеръ, дѣлавшаго зарисовки или писавшаго этюды.

Обыкновенно Мясоедовъ появлялся на набережной въ широкополой шляпѣ и плащѣ; такъ онъ изображенъ и на старомъ портретѣ временъ его заграничной поѣздки, который я видѣлъ въ его мастерской. Онъ любилъ это давно прошедшее время и часто вспоминалъ о немъ.

Мясоедовъ былъ крупной фигурой эпохи передвижничества, какъ художникъ и какъ дѣятель. Но въ своей живописи онъ былъ одностороненъ, чисто художественныя задачи оставались у него на второмъ планѣ, какъ и у большинства передвижниковъ. Изъ его картинъ болѣе извѣстны: „Чтеніе положенія 19 февраля“, „Косцы“, „Осень въ Крыму“, „Земскій обѣдъ“ и „Самосожженіе раскольниковъ“. Мясоедовъ брался и за религиозныя темы. Изъ такихъ произведеній его наиболѣе извѣстна картина „Христосъ въ пустынь“. Нѣсколько картинъ покойнаго художника находится въ Третьяковской галлерей.

Мясоедовъ былъ почти до самаго конца членомъ комитета передвижныхъ выставокъ, принимая весьма дѣятельное участіе въ дѣлахъ созданнаго имъ товарищества. Съ 1870 года Мясоедовъ имѣлъ званіе академика живописи.

Д. В.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНКУРСЪ МОДЕЛЕЙ ПАМЯТНИКА ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ II ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Въ Манежѣ Мраморнаго Дворца 12-го декабря открылась выставка моделей памятника Императору Александру II, предложеннаго къ постановкѣ на Михайловской площади.

Вопросъ созданія памятника, чрезвычайно серьезный уже самъ по себѣ, особенно усложняется при условіи постановки его на мѣстѣ, имѣющемъ столь типичный обликъ, какъ Михайловская площадь съ торжественнымъ фасадомъ Россійскаго Дворца (Музей Александра III).

Передъ художникомъ ставится дилемма: или дать свободную композицію, одухотворенную той или иной идеей, олицетворить въ памятникѣ извѣстную эпоху и, тѣмъ самымъ, нарушить эстетическую цѣлость всего *entourage'a*,—или же, подчинивъ свой замыселъ общему характеру окружающихъ зданій, создать памятникъ тонко съ ними гармонирующий.

Въ послѣднемъ случаѣ мы столкнемся, конечно, съ нарушеніемъ исторической перспективы, но зато, вѣдь, не будетъ страдать чувство ритма, эстетическая правда. Достигнутая же гармонія, тѣмъ самымъ, создастъ спокойное чувство красоты и удовлетворенія, которое должно, мнѣ кажется, вознаграждать даже ревнителей „идейности“.

И вотъ, разъ уже безповоротно рѣшенъ вопросъ о постановкѣ памятника Александра II на Михайловской площади, то единственнымъ выходомъ изъ положенія является созданіе его въ полной гармоніи съ произведеніемъ Росси.

Въ печати много говорятъ о желательности „идейнаго“ памятника. Не говоря уже о полномъ безвкусиі подобныя, грубо выраженныхъ „идей“ и аллегорій въ скульптурѣ,—не надо забывать, что аллегорія тутъ совершенно не у мѣста, а величіе Царя-Освободителя гораздо лучше можно выразить именно простотой.

Съ этой точки зрѣнія меня удовлетворилъ больше всего проектъ подъ № 19, преміи не получившій. Чувствуется, что авторъ былъ строго проникнутъ тою же идеей, которая только что мною высказана, и разработалъ, какъ самый памятникъ, такъ и всю расстановку площади въ духѣ Россійскаго классицизма.

Красиво найденный параллелепипедъ пьедестала украшенъ барельефомъ, а самъ памятникъ представляетъ царя, въ коронѣ и порфирѣ, всѣщагося на колесницѣ, запряженной двумя, мѣрно ступающими, „античными“ конями и ведомой гениями.

Можно, конечно, возразить на это совершенно неудачное сочетаніе царскаго одѣянія съ римской колесницей триумфатора, но несомнѣнно, что, взятый въ общемъ, памятникъ на фонѣ зданія музея производитъ вполне гармоничное впечатлѣніе; да и чувство величаваго спокойствія и торжественности шествія къ славѣ очень тонко, безъ излишнихъ аллегорическихъ подчеркиваній, вполне выражено.

По этому же принципу стремленія къ архитектурной гармоніи построена и другая модель, подъ девизомъ „Русскій ампиръ“, но памятникъ безнадежно слабъ по общимъ массамъ и похожъ скорѣе на какую-то нелѣпую колокольню со статуей на крышѣ.

Что касается до премированныхъ моделей, то мало сказать, что они слабы,—надо поражаться или безвкусию, или отсутствію изобрѣтательности ихъ авторовъ, а также полной неразборчивости членовъ жюри. Становится совершенно непонятнымъ, какими соображеніями руководилось жюри, присуждая преміи, такъ какъ всѣ одержавшіе побѣду проекты различны по характеру: то совершенно просты и невыразительны, то чересчуръ ужъ

запутаны и загромождены аллегоріями, но... всѣ скверны по своему.

Побѣдителями, въ большинствѣ случаевъ, вышли итальянцы съ ихъ слащаво-официальною пышностью и совершеннымъ отсутствіемъ чувства формы и общей уравновѣшенности массъ.

Вотъ результаты конкурса. Изъ 93 моделей и 24 проектовъ удостоены премій слѣдующіе: I премія (5000 р.)—авторъ *Rafaelo Romanelli* изъ Флоренціи, II премія (4000 р.)—маркизъ *Clemente Origo* изъ Флоренціи, III премія (3000 р.)—*Bela Mercup* и *Victor Krenner* изъ Будапешта, IV премія (2000 р.)—архитекторъ *Л. Сологубъ* и скульпторы *И. Лавровъ* и *В. Липинъ* изъ С.-Пб., V премія (1000 р.)—*Леонъ Беренштамъ* и *А. Гильбертъ* изъ Парижа.

За архитектурные проекты (безъ моделей) присуждены преміи: I-ая (750 р.)—*Antonio Cervetta* изъ Мадрида, II-ая (500 р.)—архитектору *Constan Bernard* изъ Парижа и III-я (250 р.)—архитектору *Saverio Aioguardi* изъ Ваті (Италія).

Академія Художествъ, къ счастью, не признала пригоднымъ для постановки ни одного изъ премированныхъ проектовъ.

Всеволодъ Воиновъ.

„ПЛОДЫ ПРОСВѢЩЕНІЯ“ ВЪ ГОСТЯХЪ У ЛЬВА ТОЛСТОГО.

(Изъ личныхъ воспоминаній).

Это былъ оригинально, курьезно задуманный вечеръ. Задуманъ онъ былъ двумя друзьями Толстыхъ—Маклаковымъ, теперешнимъ депутатомъ Думы, и Цингеромъ, нынѣшнимъ профессоромъ. Тогда оба были еще студентами, хотя и старшихъ, помнится, курсовъ.

Уговорились, что на святкахъ, нарядившись соотвѣтственно своимъ ролямъ, загримировавшись, поѣдемъ всей компаніей въ домъ Льва Николаевича, въ Хамовники, гдѣ всѣ давно предупреждены и будутъ насъ ждать.

Вотъ мы готовы. Въ передней. Студентъ Уваровъ, теперь докторъ, эффектнаго вида, рослый, красивый, одѣтый въ роскошную лакейскую ливрею, обращается, ко мнѣ, барину, съ вопросомъ.

— Прикажете объ васъ доложить?

Я тутъ почему-то рѣшилъ не брать себѣ имени Звѣздннца. Быть-можетъ, потому, что пьесу я не такъ хорошо зналъ, чтобы сумѣть сразу войти въ роль, хотя бы то и было не на спектакль, а на шутиломъ костюмированномъ вечерѣ,—образъ Звѣздннца мнѣ неясно представлялся и вотъ я рѣшилъ сымпровизировать лицо, отлично, живо мнѣ представлявшееся, это—Некрасовскаго графа Обола-Оболдуева изъ поэмы „Кому на Руси жить хорошо?“

И вотъ, по „барскому“ моему распоряженію, Уваровъ—швейцаръ съ булавою въ рукѣ, подымается по лѣстницѣ и докладываетъ:

— Графъ Обола-Оболдуевъ, съ супругой и дѣтьми, и со всѣми челядинцами,—прикажете принять?

— Ахъ, пожалуйста, просите, ждемъ, ждемъ, давно ждемъ!—раздались оживленные, радостные голоса барышень и самой „хозяйки“ Софьи Андреевны.

Весело, съ шумомъ, гикомъ, прыганьемъ и прибаутками вбѣгаетъ въ залу, полную гостей, наша молодая ватага „ряженныхъ“, обходитъ всю залу и направляется въ гостиную.

Дождались мы того, къ чему такъ стремились: увидели Льва Николаевича. Онъ сидѣлъ за столикомъ и игралъ въ шахматы,—не помню съ кѣмъ, кажется, съ Усовымъ, теперешнимъ профессоромъ. Бросилъ онъ игру, поднялся со своего мѣста, направился къ намъ навстрѣчу. Я подумалъ:

— Интересно, какъ этотъ опростившійся аристократъ, одѣтый по „мужички“, будетъ съ нами разговаривать: навѣрное, „простецкимъ“ тономъ, да и въ стилѣ, небось, демократическомъ, народномъ?

Подбѣгаетъ къ нему непринужденно, бойко Вово, (это былъ, помнится, В. М. Духовской) и съ фатоватой скороговоркой:

— А? что?

Левъ Николаевичъ, улыбаясь, подаетъ ему руку и совсѣмъ въ тонѣ того свѣтскаго общества, къ которому принадлежитъ этотъ самый Вово,—отвѣчаетъ свѣтскимъ комплиментомъ:

— Charmé!

Я отлично запомнилъ это слово. Оно, мнѣ казалось, въ ту минуту совершенно не гармонировало съ пролетарской блузой нашего хозяина.

Прошло еще нѣсколько секундъ, въ которыхъ наши ряженные представлялись, кланяясь, кто чинно, церемонно, важно,—смотря по своей роли,—кто просто, а то и грубо, утрируя мужиковатость, съ хохотомъ, бѣгая, скача мимо хозяина и, главное, „самого“ Толстого.

Вдругъ онъ приближается ко мнѣ и говоритъ,—передаю буквально, такъ врѣзались мнѣ въ память его слова:

— Ваше сіятельство, не припомните ли, не расскажете ли что-нибудь намъ изъ вашего административнаго прошлаго?

Что со мною сдѣлалось при этихъ словахъ? Энергія, притокъ силъ, радостное стремленіе—какъ можно лучше удовлетворить желаніе „его“, „самого“,—кому я мысленно всю жизнь молился, твердя чуть не наизусть его „Власть тьмы“ и „Смерть Ивана Ильича“,—эти кумиры мои, неисполненные неисчерпаемыхъ глубинъ, тревожившіе по ночамъ мой душевный покой, выводившіе меня изъ нравственнаго равновѣсія.

Я сразу понялъ, догадался, чего онъ хочетъ отъ меня. Догадался, что друзья мои,—особенно Вас. А. Маклаковъ, близко знавшій меня,—шепнули Льву Николаевичу, что у меня имѣются въ запасѣ юмористическія сценки изъ моихъ наблюденій, обращенныя мною въ рассказы, читаемые публично и въ интимныхъ кругахъ (глядя по цензурности содержанія).

На слова Толстого, обращенныя ко мнѣ съ призывомъ:

— Ваше сіятельство!

Я тоже, какъ и онъ, входя въ роль свѣтскаго человѣка отвѣчаю:

— Ваше сіятельство! Съ восторгомъ я готовъ вамъ рассказать о томъ, какъ въ городѣ, гдѣ жилъ я въ должности попечителя учебнаго округа, случилось важное и незабвенное, торжественное и знаменательное событіе.

Суть рассказа въ томъ, что аристократъ—графъ вспоминаетъ, какую онъ рѣчь держалъ передъ воспитанниками гимназіи по поводу посѣщенія ея „такою важною особою, о которой понимать нужно совершенно особо“,—какъ нескладно выразился оторопѣвшій сіятельный бюрократъ, выступившій, въ первый разъ въ жизни, въ качествѣ оратора, да еще по поводу такого торжественнаго случая, какъ посѣщеніе гимназіи „самимъ... самимъ... самимъ“...

Такъ путался смущенный „маститый ораторъ“, забывшій, отъ волненія всю свою рѣчь, составленную ему заранее секретаремъ.

Несуразная путаница словъ и мыслей администратора, охваченнаго до-нельзя ликующимъ патріотизмомъ и, въ то же время, боязнью передъ своей отвѣтственностью за каждое слово и испуганнаго сознаніемъ, что, вмѣсто патріотическихъ, благоговѣйно—почтительныхъ словъ, выходятъ вздорныя, двусмысленныя и, если буквально ихъ понимать, то прямо дерзкія и крамольныя.

Кончаетъ рѣчь свою измученный, усталый и испуганный сановникъ словами путаницы, изъ которой, онъ, смущенный, безпомощный, никакъ не можетъ выбраться:

— Я готовъ былъ бы отъ радости расцѣловать всѣхъ „здѣ лежащихъ и“... виноватъ, здѣсь сидящихъ, т.-е., э... э... э... здѣсь лежащихъ... здѣсь висѣющихъ... гимназистовъ... обоюдопола... обоихъ отдѣленій... нормальнаго и... и... того... ненормальнаго... т.-е. параллельнаго... параллельнаго и перпендикулярнаго... Никогда я съ такимъ удовольствіемъ, съ такою радостью не спѣшилъ уйти отъ васъ, какъ сегодня... никогда не забуду я этого рокового,

этого знаменательнаго, этого возмутительнаго дня и ночи... покойной ночи!.. позвольте выйти, господа!..“

Тутъ я убѣдился, сколько жизненности, сколько воспримчивости къ юмору было во Львѣ Николаевичѣ. Онъ хохоталъ отъ души, хохоталъ во все горло, потомъ подошелъ къ рассказчику, крѣпко жаль ему руку, благодарилъ...

Левъ Николаевичъ признался, что онъ очень любитъ комическіе рассказы.

Я былъ очень друженъ съ замѣчательнымъ рассказчикомъ,—сказалъ онъ мнѣ,—съ знаменитымъ актеромъ, Андреевымъ-Бурлакомъ,—онъ даже гостилъ у меня и много рассказывалъ. Вотъ я помню, напримѣръ, рассказъ его.

И Левъ Николаевичъ рассказалъ мнѣ какой-то рассказъ Бурлака. Теперь ужъ я его не помню. Я слушалъ не рассказъ Бурлака, а слушалъ самого Толстого. И слушалъ, и смотрѣлъ на него, и любовался его бодростью, свѣжестью души и энергіей ума.

А онъ ужъ увлекся своими воспоминаніями. Пошелъ дальше. Сталъ рассказывать о томъ впечатлѣніи, какое произвела на него постановка „Плодовъ просвѣщенія“ въ Маломъ театрѣ.

Восторженно, юношески говорилъ онъ объ этомъ впечатлѣніи:

— Всѣ были правдивы удивительно. А какъ типиченъ былъ Гаринъ-Виндингъ въ роли Гросмана! Боже мой, да вѣдь это все была сама правда, понимаете ли вы! Когда я смотрѣлъ на представленіе этой пьесы, я былъ въ такомъ восхищеніи, что, ей Богу, я не зналъ, гдѣ я—на небѣ или на землѣ.

Благодарствуемъ мы такъ вмѣстѣ съ геніальнымъ, чудеснымъ собесѣдникомъ... ужъ онъ снова перешелъ къ бесѣдѣ о юмористическихъ сценкахъ.

— Знаете что,—сказалъ онъ вдругъ,—я хочу ближе познакомиться съ вашими сценками и рассказами, такъ вотъ что: расскажите-ка вы намъ, пожалуйста, еще рассказецъ. Ну, изъ жизни школьниковъ что-нибудь.

Я, было, ужъ совсѣмъ собрался рассказывать новенькую сценку своего сочиненія, какъ вдругъ, подходя къ мнѣ взволнованный Маклаковъ и быстро, задыхаясь, говоритъ:

— Боже сохрани! Ничего не говори. Софья Андреевна сердито и рѣшительно заявила: „Больше въ моемъ домѣ рассказовъ Ермилова не будетъ! Довольно! Я не желаю ссориться съ моими добрыми друзьями и знакомыми“.

Эти друзья, эти знакомые, оказывается, были: Столыпины, Голицыны, Трубецкіе,—не помню ужъ я въ точности всѣ ихъ фамиліи, но только помню, мнѣ ихъ всѣ потомъ перечисляли и Маклаковъ и Цингеръ, фамиліи все отборныя, аристократическія были. А въ рассказѣ моемъ были мѣста, въ которыхъ восторженная рѣчь сановника, выяснявшая великій историческій и патріотическій смыслъ событія—посѣщеніе гимназіи высокопоставленной особою, вызывала много разъ громкій хохотъ. Это взволновало графиню Софью Андреевну.

Какъ же! Помилуйте. Тутъ вся знать Москвы, и вдругъ насмѣшка такая. Ну, что скажетъ „княгиня Марья Алексѣвна“!..

А Левъ Николаевичъ, не обращая вниманія на замѣчаніе, сдѣланное мнѣ пріятелями—Маклаковымъ и Цингеромъ, приходшими въ качествѣ вѣстниковъ тревоги отъ Софьи Андреевны, продолжаетъ настаивать на своемъ:

— Нѣтъ, расскажите-ка вотъ, въ самомъ дѣлѣ, хоть бы эту сценку, о которой вы упомянули: урокъ ариметики.

Но въ это время друзья опять приходятъ отъ дамскаго общества и заявляютъ мнѣ, что гнѣвъ богини дома такъ великъ, что намъ нечего здѣсь проѣдаться, а надо скорѣе удирасть, насъ не задерживаютъ!..

Бѣдные мои спутники—всѣ эти повара, лакеи, кучера, Вово, Коко и прочія комическія лица изъ „Плодовъ просвѣщенія“ обратились въ трагическія лица изъ „Плодовъ непочтенія“, и мы, грустные, сконфуженные и разобіженные, уходили, повѣсивъ носы, изъ графскихъ хоромъ.

И Левъ Николаевичъ словно съезжился. Пересталъ ужъ угораздивать оставаться. Молча раскланялся съ нами. А графиня, когда кто-то изъ „ряженныхъ“, прощаясь, вздумалъ извиняться за причиненное беспокойство милостиво и снисходительно изволила сверху на лѣстницу провозгласить:

— Вы тутъ, господа, не при чемъ: это вотъ вашъ главный баринъ (это я-то, грѣшный!) во всемъ виноватъ,—его и благодарите!

Меня и отблагодарили. Начали утѣшать. А одинъ изъ пріятелей, студентъ Черняевъ, сразу всѣхъ подбодрилъ своей счастливой идеей:

— Господа! Намъ не оцѣнили у аристократин—оцѣнить у буржуазин. Ыдемъ къ моимъ знакомымъ купцамъ—у нихъ балъ.

И мы поѣхали. И насъ радушно встрѣтили. И было такъ весело и шумно.

А въ домѣ Толстыхъ, въ Хамовникахъ, долго послѣ того фамилія Ермилова была запрещенной. Только черезъ года два Маклаковъ снова заѣхалъ какъ-то ко мнѣ съ неожиданнымъ продолженіемъ:

— Хочешь ѣдемъ опять въ Хамовники?

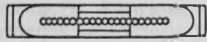
Я испугался:

— Что ты? Въ своемъ ли умѣ? А вдругъ меня тамъ графиня... того?!

— О, нѣтъ, ничего,—утѣшаетъ веселый буршъ,—мы не скажемъ кто ты. Мы гримируемся типами Толстовскихъ друзей и знакомыхъ. Ты будешь имитировать профессора Льва Михайловича Лопатина. Графиня не узнаетъ тебя. А потомъ ты съ ней разговоришься—и будете хорошими знакомыми.

Такъ и вышло.

В. Ермиловъ.

ДВА ГРЕНАДЕРА

(Посв. о-ву помощи сцен. дѣят.).

Два въ Вологду старыхъ актера
Изъ Керчи уныло брели,
И волчья голодная свора
Надъ ними смѣялась вдали.

.....
— Послушай, мой милый коллега,
Со вздохомъ промолвилъ одинъ,—
Скрипитъ моей жизни телѣга,
Я чувствую бремя сѣдинъ.
Но выйти нѣтъ силъ изъ опалы:
Судьба намъ велитъ голодать...
Всю жизнь только рельсы и шпалы...
Эхъ, больше, не въ силахъ я ждать!
Инертна актерская масса,
Смѣяться надъ этимъ старо.
Скажи мнѣ, имѣется-ль касса
На случай болѣзни, бюро?..
Энергіи нѣтъ въ „органонъ“,
Сгубили алкоголь и трудъ,
Электро-театры... эхъ, нонѣ
Гдѣ только актеры не мрутъ?..
Другой отвѣчаетъ: „Что-жъ, рухни
Безъ силъ на пустомъ полотнѣ,
Лежи и отъ голоду пухни...
А помощь увидишь во снѣ.
Не будь въ положеніи глупомъ:
Не вѣрь ничему—ерунда,
Бродячимъ „живымъ“ будешь „трупомъ“
И въ полѣ умрешь, не бѣда.
Нѣтъ большого въ жизни конфуза,
Искусство, талантъ—чепуха!
Нѣтъ кассы, бюро, нѣтъ „союза“,
Мы брошены братецъ... ха, ха!“

.....
И долго шли тихіе толки.
И слыша стenanья во тѣмѣ,
Смѣялись голодные волки,
Смѣялись себѣ на умъ!..

Ал. Ник. В—скій.

ХРОНИКА.

МОСКВА.

БОЛЬШОЙ ТЕАТРЪ.

Намѣчена къ постановкѣ „Хованщина“ подъ режиссерствомъ и съ участіемъ Ѳ. Шаляпина.

Возобновляются: „Скупой Рыцарь“ и „Франческа да Римини“—Рахманинова.

26-го декабря въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ участвуютъ Собиновъ и Баклановъ.

„Фаустъ“ съ Шаляпинымъ—Мефистофелемъ пойдетъ въ четвергъ на Рождествѣ въ абонементнымъ спектаклемъ.

30-го съ участіемъ Собинова (въ абонементе) пойдетъ „Снѣгурочка“.

Въ возобновляемой „Аидѣ“—Верди партіи распределены между Южинымъ, Алчевскимъ и Баклановымъ.

Коровинымъ закончены декорации къ „Золоту Рейна“—Вагнера.

Вмѣстѣ съ Шаляпинымъ уѣзжаютъ въ Монте-Карло теноръ Боначичъ и басъ Петровъ.

Изъ Петербурга сообщаютъ о серьезномъ заболѣваніи Теляковского.

26-го декабря въ пользу Императорскаго Русскаго театральнаго общества состоится интересный спектакль. Данъ будетъ, впервые въ этомъ сезонѣ, „Фаустъ“ съ Шаляпинымъ, Неждановой, Алчевскимъ и Грызуновымъ. Цѣны возвышенныя.

БАЛЕТЪ.

Въ будущемъ сезонѣ будетъ поставленъ балетъ Равеля „Дафнисъ и Хлоя“, еще не шедшій въ Россіи.

Говорятъ, что дирижеръ Императорскаго балета г. Арендсъ приглашенъ на лѣто въ Павловскъ. Дирижировать онъ будетъ четырьмя концертами, посвященными, главнымъ образомъ, балетной музыкѣ.

Е. В. Гельцеръ возвращается изъ Америки 6-го января. 8-го января предполагается ея выступленіе въ „Конькѣ-Горбункѣ“, а 15-го—въ „Корсарѣ“.

МАЛЫЙ ТЕАТРЪ.

„Пиръ жизни“ пойдетъ 3-го января.

Въ пьесѣ Пинеро „Полъ пути“ главные роли находятся въ рукахъ Лешковской и Южина.

Главная роль въ „Герцогинѣ Падуанской“ Оскара Уайльда поручена Рошнрой-Инсаровой.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТРЪ.

26-го декабря „Живой трупъ“ пойдетъ съ цѣлымъ рядомъ новыхъ исполнителей: князь Абрезковъ—Лужскій, Афремовъ—Грибунинъ, Лиза—Косминская.

Пьеса прошла 18 разъ и дала свыше 100 тысячъ валового сбора.

„Гамлетъ“ для второго абонемена пойдетъ 9-го января.

Исполнительное собраніе кабаре Художественнаго театра „Летучая Мышь“ состоится 30-го декабря.

ОПЕРА ЗИМИНА.

„Юланта“ съ г-жей Друзякиной пойдетъ въ январѣ.

Гастроли Тито Руффо, съ которымъ г. Зиминъ еще ведетъ переговоры, состоятся, вѣроятно, на 5 и 6 недѣляхъ поста.

Артистъ Шевелевъ, по окончаніи контракта, уѣзжаетъ на гастроли въ Берлинъ и Лондонъ.

Принята въ труппу на прежнихъ условіяхъ Петрова-Званцева.

На 5 и 6 недѣляхъ поста предполагаются гастроли итальянской артистки Берты Нельсонъ, которая выступитъ въ „Богемѣ“, „Паяцахъ“, „Сельской чести“ и „Манонъ“.

ТЕАТРЪ КОРША.

„Бѣшенныя деньги“, въ виду болѣзни Аренивари, пойдутъ лишь 27-го января.

Послѣдней новинкой будетъ пьеса Батайля—„Скандалъ“.

КЪ ЮБИЛЕЮ ѲЕДОТОВОЙ.

Юбилейный спектакль обѣщаетъ быть очень импозантнымъ. Г. Н. Ѳедотова заявила управляющему труппой Малаго театра А. И. Южину о своемъ непремѣнномъ желаніи, чтобы въ спектаклѣ участвовали всѣ ея бывшіе сослуживцы-товарищи. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ юбиляршей выступятъ М. Н. Ермолова, Н. А. Никулина, О. О. Садовская, Я. А. Лешковская, А. И. Южинъ, К. Н. Рыбаковъ, О. А. Правдинъ. Программа

спектакля предполагается следующая: две картины из „Дмитрия Самозванца и Василия Шуйского“, второй акт „Грозы“ и четвертый акт „Горе от ума“.

ОБЩАЯ ХРОНИКА.

Поистинѣ „миниатюрная эпидемія“.—Въ театрѣ „Буфф“ опереточнымъ артистомъ Гаринымъ открытъ новый театръ миниатюръ: драма, комедія, оперетта и балетъ. Въ январѣ, какъ говорить, у Покровскихъ воротъ откроется новый театръ (конечно, миниатюрный!) „Калейдоскопъ“.

Организуется новый общедоступный театръ, репертуаръ котораго будетъ состоять изъ нѣсь Островскаго, Горькаго и Шпагинскаго. Организаторами называютъ Н. Борисова (учредителя моск. конц. театр. аг.) и капиталиста Н. Б. Щербакова. Функционировать новый театръ начнетъ въ январѣ.

Выступление г-жи Скрыбиной, супруги извѣстнаго композитора, въ Римѣ въ выставочномъ залѣ, сопровождалось шумнымъ успѣхомъ. Дирижировалъ бывший директоръ московской консерваторіи Сафоновъ.

Режиссеромъ въ выпускной оперный классъ консерваторіи приглашенъ извѣстный провинціальный артистъ Секарь-Рожанскій, который въ январѣ вступитъ въ отправленіе своихъ обязанностей.

Въ пользу голодающихъ артистомъ Власовымъ на третій день Рождества устраивается въ Купеческомъ собраніи большой концертъ-балъ, въ которомъ, между прочимъ, примутъ участіе: Рахманиновъ, Бочаровъ, Степанова-Шевченко и балетный дивертисментъ школы Нелидовой. Въ „кабарэ“ будутъ участвовать артисты театра Сабурова и великорусскій хоръ.

Въ Большомъ театрѣ, съ участіемъ Собинова и Коралли, въ пользу „убѣжища для увѣчныхъ воиновъ“, 28-го декабря пойдутъ „Травиата“ и „Фея Куколь“.

Въ связи съ исполняющимся трехсотлѣтіемъ современнаго организатора народнаго ополченія для освобожденія Москвы,—во время рождественскихъ гуляній въ манежѣ будетъ поставлена историческая пьеса: „Кузьма Мининъ Сухорукъ“.

Снятіе А. И. Зилоти съ программы симфоническаго собранія Филармоніи сюиты М. Равеля „Дафнисъ и Хлоя“ комментируется печатью, какъ протестъ противъ систематическаго узурпированія его программъ г. Куперомъ.

Труппа Дягилева закончила свои гастроли въ Парижѣ и перекочевала въ Берлинъ, гдѣ дастъ 20 спектаклей.

Въ Сергіевскомъ Народномъ домѣ предполагается постановка двухъ новыхъ оперъ: „Измѣны“—Ипполитова-Иванова и „Свадьбы Фигаро“—Моцарта.

Историческіе концерты возобновляются 8-го января; въ тотъ же день возобновится серія народныхъ концертовъ г. Кусевичаго.

2-го января въ Благородномъ собраніи предстоитъ интересный концертъ съ участіемъ Бакланова и Дамаева.

20-го декабря исполнилось тридцать лѣтъ сценической дѣятельности бывшаго артиста Импер. театр. К. И. Михайлова-Стояна, пользовавшагося въ былыя времена большою и заслуженной извѣстностью. Лучшими его партіями были Каніо (Паяцы) и Германъ (Пиковая дама). Юбиларъ въ настоящее время уже не выступаетъ.

26-го декабря днемъ въ Большомъ залѣ Благороднаго Собранія состоится концертъ Шалыпина въ пользу голодающихъ. Шалыпинъ выступитъ „солистомъ“ въ буквальномъ смыслѣ, такъ какъ, помимо него, другихъ участниковъ въ концертѣ не будетъ.

По распоряженію градоначальника устройство лоттерей для розыгрыша мѣстъ истоянокъ у Большаго театра прекращено. Отнынѣ алчущіе и жажущіе предоставлены самимъ себѣ.—Публика будетъ выстраиваться въ очередь по мѣрѣ прихода и роль полиціи сводится къ охраненію общественной тишины и порядка. Барышники ликуютъ, а бѣдная публика будетъ ночами, при 20° градусномъ морозѣ, простаивать у кассы, не имѣя увѣренности, что получить все же билетъ.

30-го декабря въ Охотничьемъ клубѣ артисткой Чалѣвой будетъ поставлена съ благотворительной цѣлью „Синняя борода“—Метерлинка.

Конкурсъ віолончелистовъ на премію Д. Ф. Бѣляева въ память 50-лѣтняго юбилея русскаго музыкальнаго общества закончился.

Въ конкурсѣ принимало участіе 12 человекъ. Первая премія (1,500 р.) присуждена концертмейстеру оркестра Большаго театра—С. М. Козолупову. Вторая премія (1,000 р.) подѣлена между Е. Я. Бѣлоусовымъ и І. І. Прессомъ.

Въ варшавскомъ театрѣ „Розмаитости“ въ концѣ января будетъ поставлена новая пьеса Пшибышевскаго „Болото“.

„Русскому Слову“ сообщаютъ изъ Рима о похищеніи изъ павильона русскаго отдѣла на международной художественно-промышленной выставкѣ картинъ художника С. В. Малютина. Украдена, между прочимъ „Спящая царевна“, выставившаяся въ 1909 и 1910 гг. въ „Союзѣ“.

Пріѣхалъ композиторъ Гречаниновъ; „Сестра Беатриса“ усиленно репетируется въ его присутствіи.

Въ галлерей Лемерсье 26-го декабря открывается „Весенняя выставка“ Императорской академіи художествъ. Академическая молодежь представлена слѣдующими именами: Бродскій, Врублевскій, Столица, Колесниковъ и многіе другіе. Вмѣстѣ съ молодежью дебютируетъ и А. Н. Степановъ, выставившій двѣ картины изъ охотничьяго жанра—„Утки“ и „Октябрь“. Всѣхъ картинъ около 200. Выставка (между прочимъ, впервые посѣщающая Москву) продлится до половины февраля.

26-го открывается выставка „Союза“. Въ числѣ экспонентовъ—Малявинъ (большое полотно—„Раздумье“), Переплетчиковъ (изъ поѣздки въ Онежскій край) и Пастернакъ (рядъ портретовъ).

На четвертый день праздниковъ въ Большомъ залѣ Благороднаго Собранія состоится концертъ знаменитаго баритона Маттіо Баттистини.

ПЕТЕРБУРГЪ.

— Предполагается устройство музея имени П. И. Чайковскаго. Мѣсто для него еще не выбрано, но намѣчается помѣщеніе въ консерваторіи, рядомъ съ музеями имени Глинки и Рубинштейна. Сюда предполагается перевести, между прочимъ, всю обстановку покойнаго композитора изъ Клина (Моск. губ.), гдѣ П. И. долго жилъ и провелъ тотъ послѣдній день передъ своимъ отъѣздомъ въ Петербургъ, откуда ему уже не суждено было вернуться.

— Редакторъ „Русской Музыкальной Газеты“ Н. Финдейзенъ случайно приобрѣлъ на рынкѣ собственноручный рисунокъ Глинки, нѣкогда подаренный композиторомъ Микѣшину.

— Послѣ бенефиса хора императорской оперы, назначеннаго на 21 декабря, Л. Собиновъ уѣзжаетъ въ Москву и вернется въ Петербургъ только къ 15 января.

— Скончался отъ саркомы артистъ (теноръ) Маринскаго театра Н. Ф. Маркевичъ. За 15 лѣтъ своей службы артистъ выступалъ въ огромномъ репертуарѣ и оставилъ по себѣ добрую память добросовѣстнаго артиста и сердечнаго товарища.

— Генеральная репетиція „Орфея“ Глюка въ Маринскомъ театрѣ, прошедшая при полномъ театрѣ и съ законченностью настоящаго спектакля, была настоящимъ триумфомъ художника А. Головина, балетмейстера М. Фокина и режиссера Вс. Мейерхольда. Постановка составляетъ крупнѣйшее, равное „Хованщинѣ“, событіе сезона и войдетъ новой прекрасной страницей въ исторію нашей Маринской сцены.

Великолѣпны пластическія позы всѣхъ участвующихъ, въ томъ числѣ и солистовъ (Собиновъ, Кузнецова, Липковская) изумительны по красотѣ, мягкости и экспрессіи танцы—пляски фурій, свѣтлыхъ душъ и земныхъ дѣвушекъ.

Выше всякихъ похвалъ декорации ада и входа въ адъ, Елисейскія поля, вышитый тюлевый передникъ—занавѣсъ, костюмы и всѣ мельчайшія детали. Съ обычнымъ мастерствомъ дирижировалъ прозрачной и благородно-простой музыкой Глюка—Направникъ. Фокина и Головина восторженно привѣтствовали всѣмъ театромъ, а Головина даже увѣнчали вѣнкомъ.

— Въ Маломъ театрѣ 22 декабря идетъ, много разъ откладывавшаяся, пьеса Ан. Каменскаго „Люди“.

— Въ „Комедіи и драмѣ“ ближайшими новинками явятся „Дьявольская колесница“ Р. Антропова (репертуаръ Корша) и „Его свѣтлость на водахъ“ Р. Мита, переводъ съ рукописи Л. Василевскаго.

— Возникли слухи о томъ, что вопреки предположеніямъ, театръ Незлобина все же остается и на будущій годъ въ Петербургѣ.

— Новая пьеса Г. Ге „Кухня вѣдьмы“ прошла на александринской сценѣ безъ успѣха. Печать вся рѣшительно отозвалась о ней неодобрительно, но публикѣ пьеса понравилась и на премьерѣ авторъ былъ нѣсколько разъ вызванъ. Выручаетъ „Кухню“ участіе Давыдова, Савиной и Далматова.

— Спектакли Стариннаго театра, въ послѣднее время плохо посѣщаемые, рѣшено закончить раньше предположеннаго срока, именно 31 декабря. Между прочимъ, среди инициаторовъ дѣла возникли, къ сожалѣнію, какія-то тренія.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦИЮ.

Милостивый Государь
Г. Редакторъ!

Позвольте при посредствѣ вашего уважаемаго журнала выразить мою глубокую благодарность всѣмъ учреждениямъ и лицамъ, почтившимъ меня своимъ вниманіемъ въ день моего юбилея.

Съ почтеніемъ П. П. Струйскій.

ПРОВИНЦІЯ.

ИРКУТСКЪ.

(Отъ нашего корреспондента).

Иркутская городская дума 2 декабря обсуждала, при еще большемъ наплывѣ публики, чѣмъ 29 ноября, вопросъ о театральномъ кризисѣ. Наканунѣ вечеромъ немногочисленная театральная дирекція (предсѣдатель которой, г. Гейнсдорфъ, послѣ думскаго засѣданія 29 ноября, подавъ заявленіе объ отказѣ отъ своихъ обязанностей¹⁾, совместно съ приглашенными по ея выбору нѣкоторыми гласными, послѣ переговоровъ съ уполномоченными забастовавшей труппы, высказалась за принатіе, съ нѣкоторыми измѣненіями, условій организовавшагося товарищества артистовъ, предложившаго снять городской театръ, но категорически отвергла просьбу артистовъ объ удовлетвореніи ихъ жалованіемъ, невыплаченнымъ М. М. Бородаемъ²⁾. На просьбу уполномоченныхъ труппы выдать ссуду въ суммѣ 6.000 р., дирекція согласилась на выдачу ссуды въ размѣръ только 2.000 р., съ обязательствомъ погашенія изъ Рождественскихъ сборовъ. Уполномоченные труппы, оставивъ вопросъ открытымъ, внесли его на обсужденіе общаго собранія труппы, происходившаго ночью на 2 декабря. Послѣ бурнаго засѣданія была принята резолюція: настаивать передъ думой на выдачѣ 6.000 р. и въ отрицательномъ случаѣ совершенно отказаться отъ ссуды. На засѣданіи думы возникъ вопросъ, имѣетъ ли право дума въ данный моментъ эксплуатировать театръ, такъ какъ Бородай не подписалъ объявленнаго ему постановленія думы. Послѣ долгихъ преній дума пришла къ заключенію, что фактическимъ хозяиномъ театра является городъ, и, въ случаѣ протеста со стороны изгнаннаго антрепренера или какихъ-либо препятствій съ его стороны, все это будетъ носить характеръ самоуправства. Новый временный предсѣдатель дирекціи Як. Гр. Патушинскій³⁾, въ подкрѣпленіе этихъ доводовъ, привелъ новую претензію на Бородаю, въ суммѣ 550 руб., предъявленную дирекціи рабочими городского театра, которымъ Бородай также не заплатилъ заработковъ ихъ за ноябрь. Во время бурныхъ преній по вопросу о размѣрѣ ссуды однимъ изъ гласныхъ (прис. пов. Донцомъ) былъ заданъ наивный вопросъ: какія доказательства есть у уполномоченныхъ для подтвержденія, что труппѣ дѣйствительно нужно 6.000 р., а не 2.000. На это гласнымъ Гр. Б. Патушинскимъ было указано, что, не получая почти мѣсяцъ жалованія, артисты должны быть въ данное время безъ средствъ. Послѣ продолжительныхъ и очень бурныхъ преній, съ острыми столкновеніями среди гласныхъ, у которыхъ нашелся свой Пурншевичъ въ лицѣ мир. судьи Савицкаго, вопросъ о сдачѣ театра товариществу былъ поставленъ на баллотировку и большинствомъ 22-хъ голосовъ разрѣшенъ слѣдующимъ образомъ: городской театръ сдается товариществу артистовъ до великаго поста безъ взиманія 5% сбора въ пользу города (ожидается къ поступленію около 1.700 руб.), съ предоставленіемъ т-ву дохода съ вѣшаalkи (за 2 мѣсяца около 4.000 р.) и съ уплатою за пользование театральной библіотекой, бутафоріей и реквизитомъ по 10 руб. за каждый спектакль⁴⁾. Выдать безпроцентную ссуду въ просимомъ артистами размѣрѣ (6.000 р.) дума отказала (за сумму въ 6.000 р. подано всего семь голосовъ). Поставленный вопросъ о выдачѣ ссуды въ размѣрѣ 2.000 руб. былъ разрѣшенъ большинствомъ (25 голос.) въ положительномъ смыслѣ.

Городской голова докторъ Жбановъ предоставляет слово уполномоченному артистовъ Б. П. Шмиту. Послѣдній дѣлаетъ мотивированное заявленіе: „Когда артисты городского театра обратились къ городу, то это была просьба—оплатить нашъ трудъ. Эта просьба была отклонена. Второе заявленіе говорило о выдачѣ ссуды въ 6.000 р., которые были нужны намъ, чтобы

¹⁾ Г. Гейнсдорфъ состоитъ членомъ дирекціи по назначенію иркутскаго генераль-губернатора.

²⁾ По 25 ноября Бородай остался долженъ артистамъ свыше 9.000 руб.

³⁾ До сихъ поръ город. дума не можетъ доизбрать полного состава дирекціи: большинство кандидатовъ забаллотировываются.

⁴⁾ Костюмами товарищество будетъ пользоваться, съ уплатою по 15 р., за каждый спектакль, у г. Метелева. Это—арестованное имущество Бородая.

мы могли спокойно приступить къ работѣ, при чемъ эта просьба была основательно мотивирована. Разумная помощь должна быть въ той мѣрѣ, въ которой она можетъ удовлетворить просящихъ помощи. Помощь не въ той суммѣ, какая нужна, это не помощь, а подаваніе. Я нахожу, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ подачкой. Я заявляю отъ лица моихъ товарищей, что мы принимаемъ всѣ предложенныя условія по сдачѣ намъ городского театра, но отъ всякой ссуды отказываемся“.

Отвѣтъ артистовъ на гласныхъ произвелъ сильное впечатлѣніе. Голова поспѣшилъ объявить перерывъ.

Съ субботы 3 декабря спектакли въ городскомъ театрѣ возобновились.

3 декабря былъ первый собственный спектакль Т-ва. Въ городскомъ театрѣ шла пьеса „Камо грядеши?“ Наголодавшаяся по театру публика, несмотря на предпраздничное время, въ эти дни наполнила театръ.

Н. К—инь.

САРАТОВСКІЯ ПИСЬМА.

(Отъ нашего корреспондента).

III.

Саратовскую публику безусловно нельзя назвать музыкальной. Говоря это, я имѣю въ виду, конечно, серьезную музыку. Доказательствомъ служить тотъ фактъ, что первая серьезная попытка мѣстнаго отдѣленія Императорскаго музыкальнаго общества дать въ текущемъ сезонѣ серію симфоническихъ концертовъ съ участіемъ приглашенныхъ дирижеровъ — закончилась плачевно: концерты пришлось отложить до... великаго поста. Въ прежніе годы симфоническіе концерты давались большею частью заѣзжими дирижерами со своими оркестрами (Ахшарумовъ, Кусевицкій и др.). Мѣстное же музыкальное общество самостоятельно давало ихъ очень рѣдко за неимѣніемъ собственного оркестра. Когда бывала опера, то входили съ нею въ соглашеніе и давали одинъ-два концерта. Послѣдніе же два года оперы у насъ нѣтъ, концерты поэтому не устраивались и какъ-то выдвинулся вопросъ о необходимости имѣть свой оркестръ. Въ текущемъ сезонѣ, по настоянію новыхъ членовъ Общества, было рѣшено дать 8—10 симфоническихъ концертовъ. Оркестръ былъ собранъ изъ лицъ, играющихъ въ оркестрѣ коммерческаго клуба, приглашенныхъ музыкантовъ, специально играющихъ въ симфоническихъ концертахъ, и лучшихъ учениковъ музыкальнаго училища. Первый концертъ состоялся подъ управленіемъ Гречанинова. Онъ для этого концерта (о которомъ, кстати сказать, публика не была широко оповѣщена), выбралъ композиціи Бетховена (8 симфонія, скрипичный концертъ, увертюры къ „Коріолану“ и Ленори № 3). Прошелъ концертъ въ художественномъ отношеніи хорошо, но залъ музыкальнаго училища былъ далеко не полонъ публики. Отчасти это объясняется, какъ я сказалъ, неоповѣщеніемъ широко объ этомъ концертѣ, а отчасти—серьезностью программъ.

Во второмъ концертѣ исполнялись произведенія русскихъ авторовъ. Во главѣ программы стояла интересная 2-я симфонія Гречанинова, впервые исполнявшаяся въ Саратовѣ; великолѣпная „Ночь на Лысой горѣ“ Мусоргскаго; арія „Письмо“ Гречанинова и два его же романса и, наконецъ, увертюра къ Руслану. Концертъ имѣлъ громадный художественный успѣхъ у публики, собравшейся еще въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ въ первый разъ. Наконецъ, концертъ подъ управленіемъ хорошо извѣстнаго Москвѣ Сарраджева собралъ публики еще меньше. Главнымъ номеромъ программы этого концерта была знаменитая „патетическая“ симфонія Чайковскаго. Такое равнодушіе публики и понесенные убытки заставили, какъ я говорилъ, устроителей перенести концертъ до болѣе удобнаго времени... Фактъ, что концерты Вари Паниной, Плевицкой, Вяльцевой и имъ подобнымъ—давали полные сборы, а концерты Собинова, Гофмана, Губермана, Гольденвейзера дали далеко не полные сборы—говоритъ самъ за себя... Неудача организации регулярныхъ симфоническихъ концертовъ подтверждаетъ, что для серьезной музыки въ Саратовѣ еще нѣтъ достаточнаго контингента публики. Хотя камерные вечера музыкальнаго училища стоятъ сравнительно на болѣе твердой почвѣ, такъ какъ взято довольно много абонементовъ, но и тутъ, если внимательно присмотрѣться къ публикѣ, то многихъ привлекаетъ на эти вечера ни музыка, ни искусство, а просто — мода. Модны стали эти вечера, а потому надо ихъ поощрять!

Въ городскомъ театрѣ играетъ труппа П. П. Струйскаго. Спектакли начались 15 сентября.

Составъ труппы таковъ: г-жи Рутковская—мол. гер., Колень—характ. драмат., Воѣховская—инженю, Астахова—грандамъ, Гнѣдичъ—героиня, Нининская—комик. стар., Сянова—характ., Петровская 2-я—кокетъ, Дунаева—инженю 2-я, Далинская, Ивинская, Кирсанова, Калшанина, Костина, Майская и Смѣловская. Временами играютъ г-жи Моравская и Кряжева. Мужской персональ: гг. Гардинъ—герой, Маликовъ—комикъ-резонеръ, Черновъ—Лепковскій—комикъ, Южный — мел. комикъ-характ. Руничъ — мол. любов., Велишевъ—простакъ. Островскій—резон. и харак., Сычевъ—2-й любов., Алексѣевъ—2-й резон., Бобковъ—2-й ко-

михъ, Крамской, Неждановъ, Соколовъ, Трутневъ и Чембаровъ— вторые роли.

Главный режиссеръ — Зиновьевъ; его помощникъ — Петровскій. Художникъ-декораторъ — Костинъ.

До послѣдняго времени сыграны слѣдующія пьесы: сезонъ открылся „Ивановымъ“, затѣмъ прошли: „Дни нашей жизни“ (3 р.), „Трильби“, „Дитя любви“ (2 р.), „Дѣти Ванюшина“ (2 р.), „Частное дѣло“, „Мѣстный божокъ“ (3 р.), „Счастье въ женщинахъ“, „Живой трупъ“ (13 р.), „Свадьба Кречинскаго“ (3 р.), „Отцы и дѣти“ (3 р.), „Безъ вины виноваты“ (2 р.), „Необыкновенный человекъ“, „Земной рай“ (3 р.), „Ревизоръ“ (3 р.), „Панна Малишевска“ (3 р.), „Неизвѣстная“ (2 р.), „Шакалы“, „Сандрильона“, „Губернская Клеопатра“, „Анна Каренина“, „Смѣшная исторія“, „Псиша“ (4 р.), „Шальная дѣвчонка“, „Плоды прощенья“, „Прохожій“ (4 р.), „Цѣна жизни“ (2 р.), „Эльга“, „Концертъ“, „Маскарадъ“ (2 р.), „Измѣна“ (2 р.), „Дорогой поцѣлуй“, „Спящая царица“, „Послѣ меня“, „Гвардейскій офицеръ“, „Драма на охотѣ“, „Отъ ней всѣ качества“ (3 р.), „Обнаженная“ (2 р.), „Новый мѣръ“, „Женитьба“ (2 р.), „Чортъ“ (2 р.).

Оцѣнку труппы и отдѣльных артистовъ дамъ въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ. Начались бенефисы.

Въ общемъ, городской театръ дѣлаетъ хорошіе сборы. „Живой трупъ“ далъ сбору на кругъ 500 р. Со всѣхъ Толстовскихъ пьесъ П. П. Струйскій отчисляетъ 10% сбора на учрежденіе стипендіи имени Толстого при Саратовскомъ университетѣ. Имъ уже пожертвовано для этой цѣли свыше тысячи руб.

„Былины“ Полевого въ Общедоступномъ театрѣ прошли при хорошихъ сборахъ 14 разъ.

IV.

ЮБИЛЕЙ П. П. СТРУЙСКАГО.

15 декабря антрепренеръ городского театра П. П. Струйскій праздновалъ тридцатилѣтіе артистической и двадцатилѣтіе антрепренерской дѣятельности.

Родился П. П. Струйскій въ 1862 г. Сценическую дѣятельность въ качествѣ актера началъ въ 1881 г. въ Полтавѣ у Новикова. Затѣмъ, служилъ въ Кіевѣ у Соловцова, въ Одессѣ, въ Харьковѣ—у Дюковой, въ Москвѣ—у Леонтовскаго, въ Петербургѣ—у Яворской, въ Екатеринбургѣ—у Медвѣдева, въ Кременчугѣ—у Филипповскаго, въ Казани и Саратовѣ—у Соболевскаго-Самарина и въ Тифлисѣ—у Форкатти.

Антрепренерская дѣятельность П. П. начинается съ 1891 г. въ г. Тамбовѣ (лѣто); затѣмъ идутъ города: Воронежъ (лѣто), Астрахань (три года), Томскъ, Екатеринбургъ (шесть лѣтнихъ сезоновъ), въ Уфѣ, Пермь (зима), Таганрогъ, Нахичевань, Вильно (три сезона), Воронежъ (три года), Астрахань (три года), Саратовъ (три года) и Нижній.

Для своихъ артистическихъ имений П. П. поставилъ пьесу Писемскаго „Вааль“. Публика встрѣтила бенефицианта, исполнявшаго роль забулдыги Куницкаго,—бурными аплодисментами, цвѣтами и подарками. Бенефициантъ въ роли Куницкаго былъ великолѣпенъ. Юбилейное чествованіе началось послѣ второго акта „Ваала“.

На сценѣ около стола съ вѣнками, цвѣтами, подарками, адресами, телеграммами и пр. размѣстились: вся труппа, рабочіе театра, депутаціи, представители печати и др. лица. Артистка Астахова вывела юбиляра на сцену. Рабочіе театра преподнесли юбиляру „хлѣбъ-соль“. Режиссеръ Зиновьевъ отъ труппы огласилъ слѣдующій адресъ, заключенный въ изящную папку:

„Милый и глубокоуважаемый Петръ Петровичъ! Въ тридцатилѣтнюю годовщину вашего служенія русскому, дорогому всѣмъ, нашему театру, на насъ выпала счастливая доля. Мы горды и осчастливлены возможностью въ этотъ день отъ сердца привѣтствовать васъ съ искреннимъ единодушіемъ. Приносимъ дань удивленія и уваженія вашей неустанной энергіи, вашей дѣятельной любви къ искусству и вашей твердой и непреклонной волѣ къ осуществленію лучшихъ завѣтовъ и идеаловъ нашихъ славныхъ предшественниковъ. Тридцать лѣтъ вы отдавали театру свои силы, свои мечты, свое сердце, свою душу. Тридцать лѣтъ вы шли за вѣкомъ, горячо откликаясь на все новое, на все яркое, на все талантливое! Вашъ театръ былъ школой для молодыхъ талантовъ, вы ихъ находили, развивали, укрѣпляли и создавали. Несмотря на всѣ терніи, неизбѣжные на трудномъ пути сценической дѣятельности, вы смѣло несли вашъ яркій свѣточъ и остались вѣрнымъ себѣ и искусству! Да поможетъ вамъ Богъ сохранить еще на долгіе, долгіе годы вашу энергію, ваши таланты!“

Артистка Рутковская преподнесла П. П. подарокъ отъ труппы (массивный золотой жетонъ съ брилліантами).

Теплый адресъ былъ поднесенъ городскимъ театральнымъ комитетомъ. Комитетъ выразилъ пожеланіе и надежду и на будущее время видѣть П. П. руководителемъ городского театра.

Далѣе слѣдовалъ адресъ отъ публики, покрытый многочисленными подписями, оглашенный артистомъ Маликовымъ. Цѣн-

ный подарокъ (столовый серебряный сервизъ и массивный жбанъ съ ковшемъ) преподнесла юбиляру нижегородская труппа. Задушевные адреса въ изящныхъ папкахъ прислали: редація „Саратовскаго Листка“, кружокъ мѣстныхъ врачей, совѣтъ Техническаго училища, курсистки фельдшерской школы, нѣсколькихъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній, еврейскаго попечительства о бѣдныхъ и др.

Отъ редакціи „Студіи“ привѣтствовалъ юбиляра г. Ткачукъ. Около часу времени заняло чтеніе привѣтственныхъ телеграммъ, которыхъ получилось около 300. Поздравляли юбиляра: редація „Театра и Искусства“, редація „Волгара“, театры—Харьковскій, Варшавскій, Воронежскій, Орловскій, Ростовскій, Кіевскій, Виленскій, Нижегородскій и др. Масса привѣтственныхъ телеграммъ со всѣхъ концовъ Россіи получено отъ артистовъ, общественныхъ дѣятелей, знакомыхъ и почитателей П. П. Среди нихъ отъ вице-президента театрального о-ва Молчанова, артистовъ: Варламова, Орлова, Чужбинина, Петипа, Рудницкаго, Каширина, Сабурова, Баратова, Манько, Шебеуевой, Моравской и др.

Растроганный юбиляръ взволнованнымъ голосомъ благодарилъ артистовъ, публику и всѣхъ поздравившихъ его.

Послѣ спектакля въ честь юбиляра въ гостиницѣ „Россія“ состоялась ужинъ, который затянулся до глубокой ночи.

Въ день юбилея мѣстная газета посвятила юбиляру привѣтственную статью. Особенно тепло привѣтствовалъ П. П. „Саратовскій Вѣстникъ“.

Михаилъ Ткачукъ.

Отвѣтствен. редакторы: К. А. Ковальскій и А. О. Линкъ.

Издатель А. О. Линкъ.

СПЕЦІАЛЬНЫЙ
ОПТИЧЕСКІЙ
МАГАЗИНЪ

Ф. Г. БЕВАЛЬДЪ и К^о.

Большая Лубянка, № 6, противъ Кузнецкаго моста.

Большой выборъ всевозможныхъ биноклей театральныхъ, дамскихъ съ ручной изящной отдѣлки, пенснэ, лорнетовъ новѣйшихъ системъ, термометровъ и барометровъ точно вывѣренныхъ.

ПРИ МАГАЗИНѢ ИМѢЕТСЯ СПЕЦІАЛЬНАЯ усовершенств. оптическая шлифовальня и мастерская для прецизионной механики.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1912 годъ (III-й годъ изданія) на **ЖЕНСКОЕ ДѢЛО**

- въ теченіе 1912 г. подписчики получаютъ:
- 24** иллюстрированныхъ номера по программѣ: публицистика, педагогика, гигиена, беллетристика, театр и искусство, исторія, критика, библиографія, спортъ, отдѣлъ модныхъ туалетовъ (свыше 800 новѣйшихъ моделей), прикладное искусство и смѣсь.
 - 2** сезонныхъ модныхъ альбома, одинъ весной, а другой осенью, куда войдутъ свѣже 1200 послѣднихъ фасоновъ полнаго дамскаго и дѣтскаго гардероба съ подробнымъ описаніемъ всѣхъ фасоновъ.
 - 6** вырѣзанныхъ листовъ, не менѣе 18 чертежей въ натурал. величину дамскихъ и дѣтскихъ вещей.
 - 12** вырѣзанныхъ вырѣзокъ новостей сезона въ натур. величину съ чертеж. и подр. наставленіями.
 - 2** альбома изящныхъ рукодѣлій, куда войдутъ новѣйшіе виды женскихъ рукодѣлій съ необходимыми указаніями и разъясненіями.
 - 1** полный курсъ шляпнаго искусства. Подробное изложеніе курса, дополненное множествомъ иллюстрацій. Эта книга—самоучитель появится впервые на русскомъ языкѣ въ нашемъ изданіи; она дастъ возможность каждой женщинѣ безъ посторонней помощи научиться шляпному искусству.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ
со всѣми приложеніями съ достав-
кой и пересылкой **5 рублей.**

РАЗСРОЧКА ПЛАТЕЖА НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписчики, желающіе получить сверхъ перечисленнаго полную энциклопедію женскихъ рукодѣлій (въ видѣ рукодѣлій съ подробнымъ пояснительнымъ текстомъ, около 40 печатныхъ листовъ, подраздѣленныхъ на 20 главъ, свыше 1000 иллюстрацій), доплачиваютъ къ подписной платѣ—2 р., т. е. переводятъ единовременно—7 рублей.—Желающіе же получить полный курсъ кройки и шитья по новѣйшей упрощенной французской методѣ доплачиваютъ—1 рубль.

Въ отдѣльности „Энцикл. женск. рукодѣлій“ стоитъ съ перес. 3 р. 40 коп., а „Курсъ кройки и шитья“—2 р. 30 к. Подписка принимается во всѣхъ почтовыхъ-телеграфныхъ конторахъ и въ книжныхъ магазинахъ.

Главная контора журнала „ЖЕНСКОЕ ДѢЛО“, Москва, Кузнецкій пер., 3.

Годъ 5-й.

На 1912 годъ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на художественно-литературный журналъ

для дѣтей (7—12 лѣтъ)

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

подъ редакціей М. П. Чехова. Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ). Подписной годъ съ 1-го ноября.

Журналъ отличается вышнимъ изяществомъ и тщательно подобраннымъ содержаніемъ. При каждомъ номерѣ приложеніе: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАЮТЪ:

24 НОМЕРА журнала „Золотое Дѣтство“, въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.

12 ВЫРѢЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ для ДѢТСКИХЪ КОСТЮМОВЪ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихъ.

24 ПРИЛОЖЕНИЯ для СКЛЕИВАНІЯ (игры, домики, научныя развлеченія и проч. и проч.), а именно:

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ: книга интересныхъ разсказовъ и повѣстей для дѣтей со многими рисунками въ текстѣ: „Въ уютномъ уголкѣ“. Въ нее войдетъ большая повѣсть „Маленькій матрость“.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія бібліотеки городскихъ училищъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ **3 р. 80 к.** Подписка принимается въ Редакціи журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, Каменноостровский проспектъ, 22, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб. и къ 1-му Апрѣля остальные—1 р. 80 к. Редакторъ-издатель М. П. Чеховъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1912 г. на ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ

„ЗАПРОСЫ ЖИЗНИ“,

вѣстникъ культуры и политики,

издаваемый въ С.-Петербургѣ при ближайшемъ участіи проф. М. М. Ковалевскаго и Р. М. Бланка. Подписка принимается съ 1-го числа каждаго мѣсяца. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ пересылкой и дост.: на 1 г.—5 руб., на $\frac{1}{2}$ г.—2 р. 75 к., на $\frac{1}{4}$ г.—1 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ—50 к., отд. номеръ 15 к. За границу: на 1 г.—7 р., на $\frac{1}{2}$ г.—3 р. 50 к., на $\frac{1}{4}$ г.—1 р. 75 к., на 1 мѣсяцъ—60 к. За перемѣну городского адреса на городской 10 коп., во всѣхъ остальныхъ случаяхъ—25 коп. Подписка принимается въ главной конторѣ „Запросовъ Жизни“—С.-Петербургъ, Пискаревская ул., д. 37, въ отдѣленіяхъ Книготорговаго Товарищества „Культура“, въ почтовыхъ отдѣленіяхъ и въ книжныхъ магазинахъ.

VII г. изд. на 1912 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА на выходящую въ губернскомъ городѣ Минскѣ ежедневную газету

„МИНСКОЕ СЛОВО“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и пересылкой: на 1 г. 6 руб., на 6 м.—3 р., на 3 м.—1 р. 75 к., на 2 м.—1 р. 40 к., на 1 м.—75 к. За высылку газеты за предѣлы Россіи добавляется къ подписной платѣ по 60 коп. въ мѣс. Для служащихъ въ учрежденіяхъ при подпискѣ на годъ допускается разсрочка. Сельскіе священники и сельскія школы, внесшіе всю годовую плату при подпискѣ, платятъ вмѣсто шести руб. только 4 р. 50 к. Подписка принимается въ конторѣ „Минскаго Слова“—Минскъ губ., Богдѣльная ул., д. № 42.

Редакторъ-издатель В. А. Скрынченко.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1912 г. на ежедневную политическую и общественно-литературную газету

„РЯЗАНСКИЙ ВѢСТНИКЪ“

X-й годъ изданія. Направленіе газеты прогрессивное. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и пересылкой на годъ—5 р. 50 к., $\frac{1}{2}$ года—3 р. 50 к., на 1 м.—80 к. Разсрочка: при подпискѣ 1 января 3 р., и къ 1 мая 2 р. Лицамъ не внесшимъ къ 1 мая означенной суммы, высылка газеты будетъ прекращена. Адресъ редакціи, конторы и собственной типографіи: г. Рязань, Линецкая ул. д. Гавриловой. Редакторъ-издатель В. Н. Розановъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на журналъ литературы

„ЖАТВА“

на 1912 годъ.

Съ 1912 года литературныя альбомы „Жатва“ развертываются въ большой періодическій журналъ.

Журналъ будетъ выходить четыре раза въ годъ—зимой, весной, лѣтомъ и осенью, книгами до пятнадцати печатныхъ листовъ каждая, и будетъ заключать въ себѣ, кромѣ литературнаго отдѣла—отдѣлы критическій, бібліографическій и театральныя.

Задачи „Жатвы“ остаются тѣ же; обновить и оздоровить нашу литературу, вернуть ее на путь былаго расцвѣта.

Подписная цѣна: въ Москвѣ—**5 р.** (съ доставкой). Съ пересылкой: въ Россіи—**6 р.**, за границу—**7 р. 50 к.** Возможна разсрочка: въ Москвѣ—1) при подпискѣ 3 р., при полученіи второй книги 2 р., или 2) при подпискѣ 1 р., при полученіи первой книги 2 р., при полученіи второй—2 руб. Для иногороднихъ—1) при подпискѣ 3 р., при полученіи второй книги 3 р., или 2) при подпискѣ 2 р., при полученіи первой книги 2 р., при полученіи второй—2 р.

Подписка принимается только на годъ.

Подписной годъ считается съ января.

Цѣна объявленій: передъ текстомъ: 1 стр. 150 руб., $\frac{1}{2}$ стр.—100 р., $\frac{1}{4}$ —65 р., $\frac{1}{8}$ —40 р. Послѣ текста: 1 стр.—100 р., $\frac{1}{2}$ стр.—65 р., $\frac{1}{4}$ —40 р., $\frac{1}{8}$ стр.—25 р.

Подписка принимается: въ Москвѣ: въ конторѣ журнала „Жатва“—Арбатъ, 18. (тел. 313-52).

Издатель Е. Курловъ.

Редакторъ А. Смирновъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1912 г.

на большую ежедневную литературную, политическую и общественную газету

„БАКУ“

(XI годъ изданія)

съ еженедѣльными иллюстрированными приложеніями

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой при подпискѣ: на годъ для городскихъ подписчиковъ—**7 руб.**, для иногороднихъ—**8 р. 50 к.** Лица, подписавшіеся безъ разсрочки на газету „Баку“ на весь 1912 годъ, бесплатно получаютъ газету въ текущемъ году, со дня подписки, а также безплатно Справочную книжку календарь (въ 730 страницъ).

Годовая подписка считается только съ 1-го января.

Редакторъ-издатель Х. Вермишевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1912-й годъ

(годъ изданія III-й).

„СИЛА и ЗДОРОВЬЕ“

двухнедѣльный иллюстрированный журналъ всѣхъ видовъ

СПОРТА.

Издательство В. И. Сатиной подъ редакціей Георга Трунна.

Отдѣлы журнала: гимнастика, атлетика, борьба, фехтованіе, боксъ, плаваніе, легкая атлетика, парусный, гребной, лыжный, коньковый, велосипедный спортъ, спортъ въ школѣ, арміи и флотѣ, воздухоплаваніе и спортивный фелетонъ.

Наши главнѣйшія задачи: неустанная пропаганда идей правильнаго физическаго воспитанія народа и насажденіе всѣхъ видовъ разумнаго спорта въ Россіи.

Подписная цѣна: на годъ **6 руб.**, на $\frac{1}{2}$ года 3 р. 50 к., отдѣльн. № 20 коп., въ провинціи и на станціи ж. д. 30 коп.

Адресъ редакціи—Спб. Подольская 1 кл. 5. Конторы—Спб. Загородный, 45, Бюро „Единодушіе“, типографія „Сила“.

(Четвертый год издания) **Принимается подписка на 1912 г.** (Четвертый год издания) живопись, графика, художественная печать.

Журнал выходит при ближайшем участии С. П. ЯРЕМИЧА, шесть раз в год: в февраль, апрель, июнь, август, октябрь и декабрь книжками объемом около восьми печатных листов.

Подписная цена с доставкой и пересылкой: на год—8 руб., за границу—10 руб., отдельный номер—2 руб.

РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА: Киев, Пушкинская, 4.

ОТДЕЛЕНИЯ КОНТОРЫ: Киев, Крещатик, 29. Л. Издниковский; в магазинах Красного креста: Спб., Морская, 38; Москва, Б.-Златоустинский, 6.

Редактор-издатель В. С. КУЛЬЖЕНКО.

Пятый год изд. **Открыта подписка на 1912 год** **8 руб.** в год.

на ежемесячный иллюстрированный литературный, научный общественно-политический журнал

„МІРЪ“

Редакция ставит своей задачей знакомить читателей со всеми новейшими успехами и течениями в науке, искусстве, литературе и общественной жизни. К сотрудничеству в журнал „МІРЪ“ привлечены лучшие литературные и научные силы.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА: I. Беллетристика. II. Наука и техника. III. Искусство. IV. Общественно-политический отдел. V. Критика и библиография. VI. Приложения научных сочинений.

В 1912 году все подписчики журнала „МІРЪ“ получат:

12 №№ богатого иллюстрированного журнала „МІРЪ“ и следующие капитальные роскошные издания с многочисленными иллюстрациями. 2 больших тома с атласом, содержащим свыше 2000 иллюстраций. Происхождение и развитие человека. Профессора К. Гюнтера. Перевод под редакцией М. В. Новорусского. 4 больших тома с 1980 иллюстрациями и 132 таблицами. Иллюстрированная всемирная история (от древнейших времен до наших дней). Профессора С. Видмана, П. Фишера и В. Фельтена. 3 больших тома с многочисленными иллюстрациями. История инквизиции в средние века. Генри-Чарльз-Ли. Перевод под редакцией Л. Л. Богушевского.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: на журнал „Міръ“ в 1912 году, со всеми приложениями, с доставкой и пересылкой: на год 8 руб., на 1/2 года 4 руб., на 1/4 года 2 руб.

Адрес редакции и конторы журнала „Міръ“: С.-Петербург, Лиговская, 47. Издатель В. Л. Богушевский. Редактор Л. Л. Богушевский.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на ежемесячный иллюстрированный, литературно-исторический, общественный и научно-популярный журнал

„РОДНАЯ СТРАНА“ Журнал имеет своим назначением обслуживать интересы самого широкого круга читателей—жителей преимущественно деревни и провинции вообще. Журнал будет выходить первого числа каждого месяца книжками больш. формата объемом до 40 стр. в изыск. обложке на хорошей глазированной бумаге, со многими иллюстрациями.

К сотрудничеству в журнал привлекаются лучшие литературные и научные силы.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: 1) На год с 1-го января по 31 декабря с пересылкой 1 р. 50 к. 2) На полгода с 1 января по 30 июня, или с 1 июля по 31 декабря 1 р. (на другие сроки полугодовая подписка не принимается). 3) На три месяца с 1 янв., 1 апр., 1 июля и 1 октября 50 к. 4) Отдельные номера в продаже (без пересылки) 20 к. 5) Отдельные номера (с пересыл. под простой банд.) 22 к. Подписка на журнал „РОДНАЯ СТРАНА“ и объявления принимаются в контор „Сельского Вѣстника“ в С.-Петербурге, Мойка, 32.

Главный Редактор „Сельского Вѣстника“ П. Зубовский. Редактор журнала „Родная Страна“ Н. Сергеевский.

С января 1912 г. в Париже на русском языке начнет выходить ежемесячный иллюстрированный модный журнал

„МОДНЫЙ ПАРИЖЪ“

который будет печататься в размере 16 страниц большого формата из великоформатной глазированной бумаги, в роскошной обложке и будет украшен художественными рисунками.

Исключительно для подписчиков особое комиссионное бюро при журнале исполняет бесплатно поручения подписчиков по выписке для них из Парижа выкроек, предметов моды, моделей и мате. iаловъ, необходимых для портных, шляпных и корсетных мастерниц. На все практические вопросы подписчиков редакция будет давать ответы на страницах журнала.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год—6 руб. (16 франков), на 6 месяцев—3 руб. 30 коп. (8 фр. 80 сант.) Подписка принимается (1 в главной конторе „Модного Парижа“, Франция, PARIS, Ю. rue du Vas. Journal „Modny Paris“, 2) в лучших книжных магазинах России и 3) у специальных агентов. Деньги могут быть пересылаемы в денежных письмах или почтовыми переводами. В последнем случае одновременно с переводом необходимо посылать на имя редакции открытое письмо с обозначением имени и адреса подписчика.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1912 г.

На Ежедневную Литературную Политическую и Общественно-Экономическую газету, издающуюся в г. Архангельск

„Съверное Утро“ Издание год 2-й.

В газете постоянное участие принимают лучшие литературные силы, сотрудники Московских и С.-Петербургских изданий и местные литераторы, ученые и общественные деятели.

Девиз газеты: быстрота, освещенность и беспристрастное освещение всех событий дня. Подписная цена на 1 год—5 р., на 1/2 года—3 р., на 3 мес.—1 р. 75 к., за 1 мес.—70 к. Отдельный № 3 коп. Кроме Конторы и Редакции подписка принимается во всех почтово-телеграфных конторах Российской Империи. Контора и редакция: Архангельск, Троицкий проспект, дом Федосова. Телеф. 391.

Издатели Е. И. Федосов, М. М. Чернышева. Редакт. М. М. Чернышева:

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА IV год издания

„Кіевскій Театральный Курьер“

с программой спектаклей всех местных театров.

Содержание: статьи по вопросам театра и искусства; рецензии о спектаклях всех местных театров, о симфониях и концертах; хроника театральной жизни; портреты и шаржи артистов, снимки постановок; анекдоты и курьезы.

Единственная театральная газета Юго-Западного края.

Подписка принимается на круглый год—7 руб., на полгода—4 руб., на 3 месяца—2 руб. 25 коп. и на 1 месяц—1 рубль.

Объявления печатаются по 15 коп. за каждую строчку пети, впереди текста—30 коп. за строку пети.

Адрес конторы и редакции газеты: Б.-Владимирская ул., д. № 61, тел. 12-32.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1912 ГОД НА ЖУРНАЛЫ 1) „ЮНАЯ РОССИЯ“

ежемесячный иллюстрированный журнал для семьи и школы.

Сорок четвертый год издания:

Журнал допущен к выписке, по предварительной подписке, в ученические библиотеки средних учебных заведений, в городские, по Положению 1872 г., училища и в бесплатные народные читальни и библиотеки.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: На год 4 р. 50 к. без перес., 5 р. с перес. За границу 7 р. В 1912 г. журнал „ЮНАЯ РОССИЯ“ („ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“) даст всем подписчикам:

12 ежемесячных книжек, в состав которых входят: а) повести; б) рассказы и сказки; в) исторические очерки и биографии; г) популярно-научные статьи; д) снимки с портретов замечательных людей; е) картины из жизни художников и пр. **БЕЗПЛАТНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ:** 1. Отечественная война 1812 г. 1. Воспоминания сержанта французской армии о двенадцатом годе, Поля Котена, в пересказе Е. И. Тихомировой. 2. Литературно-художественные рассказы, сцены и картины. 3. Басни и стихотворения образованных русских писателей П. Левя, Александровичей Мей. 4. Литературно-биографический очерк, с приложением портрета и избранных стихотворений Л. А. Мей, сост. Д. И. Тихомиров. 5. Историческая сказка из русской жизни: Отчего перевелись витязи на святой Руси Лѣший. Волховъ Илья про боярина Коловрата. Александр Невский. Нѣко во исковъ (изъ времени Ивана Грозного). Спаситель (изъ жизни Алексѣя Михайловича). 3. Библейские рассказы: Самсонъ. Юдифь. Эндорская пророчица. Отоиди отъ меня, сатана. Остроковица. Сѣноорожденный.

2) „Педагогический Листокъ“,

журнал для воспитателей и народных учителей.

Сорок четвертый год издания.

Журнал выходит 8 раз в год, книжками до 5 листов. Подписная цена: на год 1 р. 75 к. без перес. 2 р. с пересылкой. За границу 3 р. Подписная цена на оба журнала 6 р. на год с пересылкой, без пересылки 5 р. За границу 8 р.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ: Москва, Б. Молчановка, д. № 18.

Подписка принимается и во всех известных книжных магазинах.

Книгопродавцам уступка 5%. Плата за объявления в журналах „Юная Россия“ и „Педагогический Листокъ“: за страницу 40 руб., за 1/2 страницы 20 руб., за 1/4 страницы 10 руб., за 1/8 страницы 5 руб.

Издательница Е. Н. Тихомирова. Редактор Д. И. Тихомиров. При журнал „ЮНАЯ РОССИЯ“ и „ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ“ организован книжный склад изданий Д. И. Тихомирова: 1) Библиотека для семьи и школы; 2) Учительская библиотека; 3) Учебники Д. И. Тихомирова.

Каталог высылается бесплатно по первому требованию.

ИЗВѢСТІЯ

СИМФЕРОПОЛЬСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ

1912 ГОДЪ ИЗДАНИЯ ШЕСТОЙ 1912

Выходит ежемесячно книжками в 10 и больше печатных листов, форма 8^о.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: за год 2 руб., с пересылкой—3 руб., за полгода 1 руб., с пересылкой—1 руб. 50 к., отдельная книга—40 коп. **ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНИЯ:** за полную стр. 5 руб. 1/2 стр. 3 руб. 1/4 стр. 2 руб.

Пріемъ подписки и объявленій въ Симферопольской Городской Управѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1912 ГОДЪ НА „Полтавскій Голосъ“

внѣпартійный прогрессивный органъ.

Пятый годъ изданія.

Выходить ежедневно, кромѣ понедѣльниковъ и дней послѣпраздничныхъ. Годовые подписчики на „ПОЛТАВСКІЙ ГОЛОСЪ“, въ теченіе 1912 года, получаютъ БЕЗПЛАТНО: 1. „Колокольчикъ“ 52 номера еженедѣльных иллюстрирован. приложеній къ газетѣ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

12 мѣс. 6 р., 11—5 р. 70 к., 10—5 р. 40 к., 9—5 р., 8—4 р. 60 к., 7—4 р. 20 к., 6—3 р. 60 к., 5—3 р., 4—2 р. 40 к., 3—1 р. 80 к., 2—1 р. 20 к., 1—60 к.

Разсрочка для годовыхъ подписчиковъ: при подпискѣ 2 руб., 1-го апрѣля 2 руб. и 1-го іюля 2 руб. или при подпискѣ 3 руб. и 1-го іюня 3 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Полтавѣ, въ конторѣ „Полтав. Голоса“ (Карповскій пер., д. Гармашева, № 5).

Издатель Я. А. Иваненко.

Редакторъ Д. А. Иваненко.

СЪ 1-ГО ОКТЯБРЯ 1911 ГОДА.

ВЪ Г. ПЕНЗѢ

выходить внѣпартійная, общественно-литературная и справочно-экономическая газета

„ПЕНЗЕНСКАЯ ЖИЗНЬ“.

Широко поставленные отдѣлы злободневныхъ фельетоновъ, юмористики, театра и спорта.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ—3 р., на 1/2 года—1 р. 60 к., на 3 мѣс.—90 к., на 1 мѣс.—40 к.

Адресъ редакціи и конторы: г. Пенза, Московская улица. Редакторъ-издатель Ч. Б. Мондшейнъ.

Завѣдующій редакціей И. С. Туркельтаубъ.

Издательство Т-ва „Хроносъ“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1912 ГОДЪ

(2-й годъ изданія)

еженедѣльный, общественно-политическій, литературно-художественный и научный, богато-иллюстрированный журналъ

„За 7 дней“.

Въ отдѣльной продажѣ № съ прилож.—10 к.

„За 7 дней“ отзывается на всю текущую жизнь и въ каждомъ № заключаетъ слѣдующіе постоянные отдѣлы:

1) Календарь текущей исторіи.
2) „За 7 дней“—характеристика историч. и политич. момента въ сжатъ и формѣ.

3) Литература и критика. Въ каждомъ номерѣ помѣщается не менѣе двухъ новыхъ новеллъ иностранныхъ и русскихъ авторовъ и критическій очеркъ. Отдѣлъ литературы и критики заключается внимательно подобранной „хроникой“.

4) Общественный отдѣлъ, состоящій изъ постоянной руководящей статьи „Основные линіи прогресса“ и широко поставленнаго отдѣла „хроники“ общественной жизни всѣхъ культурныхъ странъ.

5) Отдѣлъ искусства, состоящій изъ статей по вопросамъ живописи, скульптуры и музыки, при чемъ въ каждомъ номерѣ помѣщается около 30-ти репродукцій съ картинъ или скульптуръ. Отдѣлъ искусства заключается также тщательно подобранной „хроникой“.

6) Научный отдѣлъ, состоящій изъ статьи, посвященной вопросамъ науки или техники и научной хроники. Этотъ отдѣлъ тоже иллюстрированъ.

При каждомъ номерѣ журнала, кромѣ того, приложена отдѣльная книжка (въ изящной обложкѣ) новѣйшихъ беллетристическихъ произведеній иностранныхъ и русскихъ авторовъ.

Подписчики „За 7 дней“ получаютъ 52 №№ роскошно-иллюстрированного (свыше 1,500 репродукцій) журнала „За 7 дней“.

52 книжки новѣйшихъ произведеній русскихъ и иностранныхъ авторовъ.

Пробный № по первому требованію высылается БЕЗПЛАТНО.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

На годъ—4 р.; на 1/2 г.—2 р.; на 3 мѣс.—1 р.
За границу: на 1 г.—6 р.; на 1/2 г.—3 р.; на 3 мѣс.—1 р. 50 коп.
Подписка на 3 мѣс. принимается только съ 1 янв. по 1 апрѣля; съ 1 апр. по 1 іюля; съ 1 іюля по 1 окт.; съ 1 окт. по 31 дек.
Подписную плату (можно высылать почт. и герб. марк.) адресов.: С.-Петербургъ, Гл. комт. журнала „За 7 дней“, Екатерин. ул. 2.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1912 г. НА ГАЗЕТУ „ВЯТСКАЯ РѢЧЬ“

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

1) во всѣхъ почтово-телеграфныхъ и почтовыхъ учрежденіяхъ Европейской и Азіатской Россіи безъ взиман. 15 к. за перес., на сроки: 1 годъ—6 руб., 1/2 г.—3 р. 50 к. и на 3 мѣс.—1 р. 75 к.
2) Въ конт. газ., 3) У нашихъ коммисіонеровъ въ г. Вяткѣ: въ книжныхъ магазинахъ Т-ва Рязанцева, Н. М. Рязанцевой, А. Ф. Лаптева и въ магаз. П. П. Клабукова у А. А. Шутова; въ г. Слобод. у С. Н. Попова и книжн. магазинѣ Чудинова.
ЦѢНА: на 1 годъ—6 р., 6 мѣс.—3 р. 50 к., на 3 мѣс.—1 р. 75 к., на 2 мѣс.—1 р. 30 к. и 1 мѣс.—65 к.

При непосредственномъ обращеніи въ контору газеты для учащихся народныхъ школъ, низшаго медицинскаго персонала и для крестьянъ, проживающихъ въ селеніяхъ, подписная плата на годъ—5 р., на 6 мѣс.—3 р. и на 1 мѣс. 50 к.
Размѣръ газеты увеличенъ безъ повышенія платы.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1912 ГОДЪ

на политическій, экономич. и литератур. органъ свободной мысли

„ТРУДОВАЯ ГАЗЕТА“

издающійся въ г. Николаевѣ, (Херс. губ.) 4-й годъ изданія. Всѣ подписчики „Трудовой Газеты“ получаютъ въ 1912 году 4 [четыре] литературныхъ сборника подъ названіемъ:

«Альманахъ „Трудовой Газеты“»

въ который войдутъ произведенія многихъ современныхъ писателей. Книги будутъ выдаваться по четвертямъ года: 15-го января, 15-го марта, 15-го іюля и 15-го сентября.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ:

Для мѣст. съ дост. на домъ: на годъ—5 р., 6 мѣс.—2 р. 60 к., 3 мѣс.—1 р. 35 к., 1 м.—50 к. Для иногор. съ пересыл.: на годъ—6 р. 50 к., 6 мѣс.—3 р. 50 к., 3 мѣс.—2 р., 1 мѣс.—75 к.

Разсрочка годов. подпис. платы допуск. на слѣд. услов.:
Городскіе: при подп.—2 р., 1-го апр.—2 р., 1-го сент.—1 руб.
Иногородніе: при подп.—3 р., 1-го апр.—2 р., 1-го сент.—1р. 50 к.

Цѣна отдѣльнаго номера 2 копейки.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1912 ГОДЪ

на ежемѣсячный внѣпартійный иллюстрированный

„ВСЕОБЩІЙ ЖУРНАЛЪ“

литерат. иску., науки и обществ. жизни. III-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ. Новый въ Россіи типъ по образцу „JE SAIS TOUT“.

Бступая ВЪ ТРЕТІЙ ГОДЪ изданія, мы строго будемъ придерживаться намѣченнаго типа. Въ большинствѣ журналовъ художественная литература стоитъ на второмъ планѣ, уступая первое мѣсто публицистическимъ статьямъ. Мы же обращаемъ на этотъ отдѣлъ особое вниманіе. Въ прочихъ отд. мы стараемся давать мѣсто лишь всему особенно выдающемуся, интересному.

Въ виду полноты программы всякій читатель найдетъ во „ВСЕОБЩЕМЪ ЖУРНАЛѢ“ интересныя для себя произведенія.

„ВСЕОБЩІЙ ЖУРНАЛЪ“ богато иллюстрируется оригинал. рисун., портретами и репродукціями съ картинъ извѣстн. художн. Подписная цѣна: на годъ—6 р., на 1/2—3 р. 50 к., За гран.—8 р. Допускается разсрочка: 3 руб. при подпискѣ и 3 р. 1-го марта. Библиот. и книжн. магаз. 50% скидок. При коллект. подпискѣ на 5 экз.—шестой высыл. бесплатно.

Подписка принимается въ Главной Конторѣ, во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, а также во всѣхъ почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ имперіи; въ послѣднихъ—безъ всякой доплаты за переводъ подписныхъ денегъ. АДРЕСЪ Главн. Конт. „Всеобщаго Журнала“: С.-Петербургъ, Невскій пр. 114.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1912 ГОДЪ

на самый доступный по цѣнѣ ежемѣсячный журн. литерат., искусства, науки и общественной жизни

„НАШЪ ДРУГЪ“

Имѣя въ виду эту потребность въ дешевой, доступной книгѣ—издательство „Всеобщій Журналъ“ (III-й годъ существованія) предпріяло изданіе дешеваго литературно-художественнаго ежемѣсячника „Нашъ Другъ“, доступнаго по цѣнѣ самымъ широкимъ кругамъ читателей.

Особое вниманіе обращено на литературно художествен. отдѣлъ. Подписная цѣна на годъ—1 р. безъ пересылки (въ С.-Петербургѣ)—1 р. 40 к. съ пересылкой Подписка принимается только на годъ. Первые 10 тысячъ подписчиковъ кромѣ 12 номеровъ журнала получаютъ бесплатное приложеніе:

Роскошный художественный альбомъ: „Галлерея современныхъ русскихъ п сателей“—32 портрета печатанныхъ на веленѣй бумажѣ двойной краской—дубликомъ. (Въ отдѣльной продажѣ—1 р. 60 к.). Каждый портретъ—формата открытаго письма. Подписка принимается въ Главной Конторѣ, во всѣхъ большихъ книжн. магаз., а также во всѣхъ почтово-телегр. учреж. имперіи. Полную отвѣтственность за подписн. деньги принимаю на себя издат. „Всеобщій Журналъ“. АДРЕСЪ: Главная Конт. журнала „Нашъ Другъ“ С.-Петербургъ, Невскій пр., № 114, кв. 29.

БОЛЬШАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИКО-ОБЩЕСТВЕННАЯ
И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

„ВОЛГАРЬ“.

Издается в Нижн.-Новгородѣ. — Безпрерывнаго изданія 38-й г.,
изъ нихъ 28 лѣтъ подъ нынѣшней редакціей.

Независимый органъ прогрессивной печати. Всѣ выдаю-
щіеся событія общерусской и заграничной жизни благодаря
телеграфной агентской службѣ, сосредоточенной въ Петер-
бургѣ, особенно же благодаря телефонному сообщенію между
Нижнимъ-Новгородомъ и Москвою находятъ о себѣ быструю,
непосредственную освѣдомленность въ „Волгарь“ ранѣе по-
лученія изъ мѣстномъ краѣ столичныхъ газетъ.

Подписная цѣна съ пересылкою: на 12 мѣс. 8 р., 6 мѣс. 4 р.,
3 мѣс. 2 р. Для городскихъ и сельскихъ учителей, сельского
духовенства и сельскихъ библиотекъ-читальнъ годовая под-
писка 7 р., полугодовая — 3 р. 50 к.

За границу; на 12 мѣс. 18 р.; 6 мѣс. 9 р.; 3 мѣс. 4 р.
50 к.; 1 мѣс. 2 р.

Объявленія впереди текста 30 коп. за строку петица, по-
зади текста 12 коп.

Главная контора „Волгари“ въ Нижн.-Новгородѣ, Малая
Покровка, д. № 12. Редакторъ-издатель Сергій Жуновъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИЖЕГОРОДСКІЙ ЛИСТОКЪ“.

на 1912 годъ (годъ изданія XX).

Направленіе газеты неизмѣнно прогрессивное.

Въ 1912 году „Нижегородскій Листокъ“ будетъ выходить
ежедневно, не исключая понедѣльниковъ, полными листами.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Для городскихъ и сормовскихъ подписчиковъ: на 1 м.—
1 р., 2 м.—1 р. 50 к., 3 м.—2 р., 4 м.—2 р. 75 к., 5 м.—3 р.
50 к., 6 м.—4 р., 7 м.—4 р. 75 к., 8 м.—5 р. 50 к., 9 м.—6 р.
25 к., 10 м.—7 р., 11 м.—7 р. 50 к., 12 м.—8 р. Для иногород-
нихъ подписчиковъ: на 1 м.—1 р., 2 м.—1 р. 75 к., 3 м.—2 р.
50 к., 4 м.—3 р., 5 м.—4 р., 6 м.—4 р. 50 к., 7 м.—5 р., 8 м.—
5 р. 50 к., 9 м.—6 р. 25 к., 10 м.—7 р., 11 м.—7 р. 50 к.,
12 м.—8 р. Допускается разсрочка подписной платы для го-
довыхъ подписчиковъ на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ
2 р., къ 1 марта—2 р., къ 1 июня—2 р. и къ 1 сентября
остальные деньги или ежемѣсячно по одному рублю до уплаты
всей подписной цѣны. Издатель Е. М. Ещинъ.

ОТКРЫТЬ ПРИЕМЪ ПОДПИСКИ НА 1912 годъ, на ежеднев-
ную безпартійную газету

„ЯРОСЛАВСКІЯ НОВОСТИ“.

2-й годъ изданія. Подписная цѣна: на 12 м.—5 р., 11 м.—
4 р. 75 к., 10 м.—4 р. 50 к., 9 м.—4 р. 20 к., 8 м.—3 р. 80 к.;
7 м.—3 р. 40 к., 6 м.—3 р., 5 м.—2 р. 50 к., 4 м.—2 р., 3 м.—
1 р. 50 к., 2 м.—1 р., 1 м.—50 к. Цѣна отдѣльнаго № 2 коп.
Льготная подписка для лицъ духовнаго званія, военныхъ, учи-
телей, учащихся, приказчиковъ и рабочихъ. Скидка съ годово-
вой 20%. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка
платежа въ два срока—при подпискѣ и 1 апрѣля.

Газета выходитъ ежедневно и по понедѣльникамъ, кромѣ дней
слѣдующихъ послѣ двенадцати праздниковъ.

Ярославль, Стрѣлецкая 22. тел. 547, контора газеты „Ярослав-
скія Новости“. Изд. Л. Е. Крѣнишъ. Ред. Н. К. Новиковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1912 годъ на ежедн., иллюстрир.
общедоступный семейный журналъ

„ЖИЗНЬ РОССИИ“.

Годъ изданія V. 52 №№ журнала, 52 еженед. прилож., 12 еже-
мѣсячныхъ приложеній 2 р. 80 к. въ годъ съ пересылкой.

Въ теченіе 1912 г. подписчики получаютъ: 52 №№ журнала
съ отдѣлами: беллетр. романы, повѣсти, стихотв. и пр., домъ
и хозяйство, медицина и гигиена, спортъ, текущ. хроника, поч-
товый листъ 52 еженед. прилож.: виды живоп. мѣстн. Россіи,
замѣчат. зданій и сооруж., типовъ народонас. и др., всего въ
теч. года до 500 прекрасно исп. рисунковъ. 12 ежем. прилож.
худож. исполн. картины извѣстн. художн. въ краск. на мѣ-
ловой бум. Цѣль журнала: дать широкому кругу читат. за пе-
дорогую подписную плату новинки русск. и иностр. литерат.,
необходимыя указанія по дому и хозяйству, медиц. и гигиенѣ
и др., въ популярн. и доступномъ для каждого читателя изло-
женіи. Видами Россіи журналъ желаетъ дать читат. наглядн.
представленіе о всемъ выдающ. во всей Россіи. Картинами въ
краск. даетъ, правда, небольшую, но цѣнную худож. коллекцію.
Подписная цѣна съ дост. и пер. 2 р. 80 к. въ годъ. Допуск.
разсрочка: при подпискѣ — 1 р. 50 к., къ 1 апр.—1 р. 30 к.
Адресъ конторы „Жизнь Россіи“: С.-Петербургъ, 7-я Рожде-
ственская, 17.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1912 г. (23-й г. ИЗДАНІЯ).

„ПРИРОДА И ЛЮДИ“.

Подписной годъ считается съ 1 ноября 1911 г. по 1 ноября
1912 г. Журн. „Природа и Люди“ Мин. Нар. Просв. допущенъ
въ учит. библ. низш. учебн. зав., въ ученич. библ. сред. учебн.

заведеній и город. учил., въ безпл. нар. чит. и библ.
52 №№ худож. иллюстр. журн. Романы. пов. и разск. Живоп.
путеш. Описанія чудесъ прир. Диковинки животн. и растит.
міра. Очерки по всеѣмъ отр. знанія. Новѣйши. откр. и изобр.
Спортъ, новости по авіаціи, задачи на преміи и т. п. Безпл.
прилож.: абон. № 1, или № 2, или № 3, по выб. гг. подписч.:

Абон. № 1. 40 кн. 8.000 стр. богато-иллюстрир. полного
собр. ром. А. Дюма, подъ ред. П. В. Ыжкова. Остальные 40 кн.
полн. собр. ром. А. Дюма будутъ даны въ 1913 г. Абон. № 2.
24 кн. 4.800 стр. полн. иллюстр. собраніе романовъ знаменит.
писат.-морьяка капитана Марриэта, 12 кн. 2.600 стр. худож.
литерат. ежемѣс. „Мірѣ приключеній“, 5 кн. свыше 400 иллюстр.
роск.-иллюстр. сочин. „Земля до появленія человѣка“, проф.
І. Вальтера. Абон. № 3. 12 кн. ок. 2.500 стр., полн. собр. соч.
гениальн. критика П. А. Добролюбова съ портр. автора и био-
графич. очерк. 6 кн. 686 стр. больш. форм. богато иллюстрир.
„Исторіи Петра Великаго“, сочин. всем. извѣстн. проф. русск.
исторіи А. Г. Брикнера. 5 кн. свыше 400 иллюстр. роскошно-
иллюстрир. сочин. „Земля до появленія человѣка“.

Подписная цѣна: на 52 №№ журнала „Природа и Люди“
съ безплатнымъ прилож. одного изъ трехъ абонементовъ (по
выбору гг. подписчиковъ) 6 руб. въ годъ безъ дост. и перес.,
7 р. въ годъ съ дост. и пер. Разсрочка допускается: при под-
пискѣ 3 р., къ 1 апр.—2 р., и къ 1 июля остальные. или въ
теченіе первыхъ 7 мѣс., начиная съ ноября—по 1 руб.

Желающіе могутъ одновременно съ подпиской на любой
абонементъ, сверхъ того, получать, по своему выбору любую
прилож. изъ друг. абон., но за особую доплату, а именно: соч.
кап. Марриэта въ 24 кн. за доплату 3 р. 20 к. „Мірѣ приклю-
ченій“—12 кн. за 1 р. 80 к. „Земля до появленія человѣка“—
5 кн. за 1 р. 60 к. Соч. П. А. Добролюбова — 12 кн. за 2 р.
80 к. „Исторія Петра Великаго“ — 6 кн. за 2 р. 40 к. Сочин.
А. Дюма—40 кн. за 5 р. 20 к. Разсрочка за доплатныя прил.
допускается: при выпискѣ на сумму до 3 р., слѣд. уплатить
при подпискѣ не менѣе одного руб.; при выпискѣ на сумму
болѣе 3 р., слѣд. уплат. при подп. не менѣе 2 р. Остальная
сумма должна быть уплач. не позднѣе 1 апрѣля.

Главная контора: С.-Петербургъ, Стремянная, 12 соб. домъ.
Изд. П. П. Соѣкинъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1912 годъ на двухнедѣльный
иллюстрированный

„Художественно-Педагогическій Журналъ“.

(11-й годъ изданія).

Привлекая къ сотрудничеству лучшихъ литерат. и художеств.
силы, журн. ставитъ себѣ задачей приближеніе искуства къ
обиходу человѣка, худож. воспит., эстетич. развитію дѣтей и
юношества и соврем. методамъ преподав. рисованія, черченія
и дѣлки въ семьѣ и школѣ. Приложенія: рисунки для худо-
жественной и кустарной промышленности.

Подписная цѣна: 1 годъ (24 №№) 3 р. 50 к., на 1/2 года 2 р.
Редакція и конг.: С.-Петербургъ, Саперный, 12. Тел. 68—47.
Разсрочка: при подп. 1 р. 50 к., слѣд. мѣс. 1 р., на 3-й м. 1 р.
Цѣна отдѣльн. № 20 к. Пробн. №№ высыл. за 2 7-коп. марки.
Особенное вниманіе обрац. на ручн. трудъ, игры и занятія,
„Мекканю“, интересн., незамѣн. и полезн. занятія для изобре-
тателей и инж.-механ. „Мекканю“ предст. собою собран. отд.
металлич. частей, какъ-то: скобокъ, балокъ, колесъ, осей, ва-
ловъ, винтовъ, гаекъ, зажимовъ, зубчатокъ и т. д. Пробныя
свѣдѣнія и цѣны высыл. по востр. Брошюра съ 87 иллюстр.
въ текстѣ (4 печатн. листа) высыл. за 50 к., можно марками.

Главный складъ и представ. для Россіи въ конг. „Худо-
жественно-Педагогическаго Журнала“, С.-116, Саперный, 12,
Тел. № 6847. Складъ моделей, пособій и матеріаловъ для рис.,
черч. и дѣлки Редакторъ-издатель А. Н. Смирновъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1912 г. НА ЕЖЕДНЕВНУЮ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

„Саратовскій Вѣстникъ“.

изд. И. П. Горизонтовымъ и др. Ред. Н. М. Архангельскій.
Помимо агентскихъ телегр., въ газетѣ будутъ регулярно по-
мѣщаться телеграммы отъ собств. корресп. изъ С.-Петербурга,
Москвы и др. городовъ о выдающихся событіяхъ.

Условія подписки: для иногород. подписч.: на 12 м.—7 р.,
11 м.—6 р. 50 к., 10 м.—6 р., 9 м.—5 р. 50 к., 8 м.—5 р.,
7 м.—4 р. 50 к., 6 м.—4 р., 5 м.—3 р. 50 к., 4 м.—3 р., 3 м.—
2 р. 50 к., 2 м.—2 р., 1 м.—1 р. Адресъ конторы и редакціи.
Саратовъ, Нѣмецкая ул., д. Онезургс. Лица, не получавшія га-
зету и подпис. на 1912 г., внесшія плату сполна, получ. газету
до 1 января безплатно. Принимается групповая подписка для
служащихъ и разсрочка.

ПОТНЫЕ МАГАЗИНЫ РОССІЙСКАГО МУЗЫКАЛЬНАГО ИЗДАТЕЛЬСТВА.

МОСКВА, КУЗНЕЦКІЙ МОСТЪ, 6.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, МОРСКАЯ, 11.

ТЕЛЕФОНЪ № 217-07.

ТЕЛЕФОНЪ № 178-53.

АДРЕСЪ ДЛЯ ТЕЛЕГРАММЪ: „РУССМУЗИКЪ“.

Главный складъ собственныхъ изданій. Постоянный складъ для Россіи изданій Брейткопфъ и Гертель. — Оптовый складъ изданій Н. Зимрокъ, Шлезингеръ, Э. Эйленбургъ. — Ноты и книги по всѣмъ отраслямъ музыкальнаго знанія всѣхъ русскихъ и иностранныхъ издательствъ.

Заказы г.г. иногороднихъ покупателей исполняются быстро и аккуратно. Отправка съ наложеннымъ платежомъ.

СКЛАДЪ ХРУСТАЛЬНОГО ЗАВОДА

ГРАФА

ГАРРАХА

МОСКВА, Кузнецкій Мостъ, д. Санъ-Галли.

ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій проспектъ, 64.

СТОЛОВЫЙ ХРУСТАЛЬ, СТОЛОВЫЙ ФАРФОРЪ и
ФАЯНСЪ, ЛЮСТРЫ для газа, свѣчей и электричества.
ФИГУРКИ, СТАТУЭТКИ и ВАЗЫ.

Продажа оптомъ и въ розницу.

БУДИЛЬНИКЪ

48-й годъ изданія.

Никакихъ ограниченій при подпискѣ на 1912-ый годъ.

Журналъ откровенно-прогрессивный, „Будильникъ“ признаетъ всеобщее равноправіе. Подписчики пользуются у насъ тѣми же правами, что и подписчики, дѣтей и нижнихъ чиновъ мы не отличаемъ отъ взрослыхъ и высшихъ чиновъ.

Каждый, у кого есть 9 рублей, безъ различія пола, возраста, національности и соціальнаго положенія, имѣетъ право подписаться на „Будильникъ“.

Получивъ 9 рублей, мы даемъ нашимъ подписчикамъ бесплатно: пятьдесятъ два номера „Будильника“ съ рисунками въ нѣсколько красокъ лучшихъ русскихъ и иностранныхъ каррикатуристовъ на самыя животрепещущія темы, — и съ текстомъ, вышедшимъ изъ-подъ пера лучшихъ русскихъ юмористовъ.

Лицъ, у которыхъ по уплатѣ упомянутыхъ выше 9 рублей, остается въ карманѣ еще 1 руб., мы покорнѣйше просимъ прислать и этотъ рубль намъ. Въ благодарность за такую щедрость мы дадимъ имъ премію:

„1812 годъ въ каррикатурѣ“.

Альбомъ, составленный по самымъ рѣдкимъ источникамъ, въ которомъ будутъ воспроизведены каррикатуры, относящіяся къ войнѣ 1812 года и ея дѣятелямъ. Альбомъ будетъ отпечатанъ въ нѣсколько красокъ и представитъ собою рѣдкое по цѣнности матеріала и художественному его воспроизведенію изданіе.

Редакція не принимаетъ на себя отвѣтственности, если кто-нибудь изъ подписчиковъ умретъ отъ смѣха!

Находя совершенно безсмысленнымъ скрывать свой адресъ, мы объявляемъ его во всеуслышаніе: Москва, Леонтьевскій пер., 12.

Для того, чтобы попасть въ число нашихъ подписчиковъ, совершенно достаточно прислать намъ: въ Москвѣ: 1 годъ—8 руб., 1/2 года—4 руб. 50 коп. Въ др. городахъ: 1 годъ—9 руб., 1/2 года—5 руб. Въ Россіи: 1 годъ—12 р., 1/2 года—7 руб.

Премію получаютъ лишь годовые подписчики, внесшіе сверхъ подписной платы еще одинъ рубль.

Надѣмся, что каждый въ своихъ же интересахъ поспѣшитъ подписаться на журналъ заблаговременно.

„Будильникъ“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1912 годъ

на еженедѣльный журналъ искусства и сцены

„СТУДІЯ“

независимый, внѣпартійный органъ художественной мысли и критики въ сферѣ театра, музыки, живописи, ваянія и зодчества, съ иллюстраціями въ текстѣ и картинами на отдѣльныхъ листахъ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ

К. А. КОВАЛЬСКАГО и А. Э. ЛИНКЪ.

Программа: 1) Правительственныя распоряженія и мѣропріятія въ области искусствъ, театра и литературы. 2) Вопросы права и экономики. 3) Вопросы этики. 4) Исторія, философія, литература и статистика искусствъ и театра. 5) Фельетонъ: бесѣды на тему дня, біографіи и воспоминанія дѣятелей сцены, художниковъ, музыкантовъ и писателей, стихотворенія и пьесы. 6) За-недѣлю (хроника Московской и Петербургской жизни). 7) Голоса печати: обзоръ русской и иностранной печати. 8) Петербургскія театральныя, художественныя и музыкальныя письма. 9) Провинціальныя фельетонъ, провинціальныя письма. 10) За-рубежомъ: письма изъ міровыхъ центровъ. 11) Критика критики. 12) Обмѣнъ мнѣній. 13) Народный театръ. 14) Дѣтскій и школьный театры. 15) Любительскій театръ. 16) Замѣтки режиссера. 17) Письма о балетѣ. 18) Замѣтки археолога. 19) Архитектурный отдѣлъ: отзывы о новыхъ постройкахъ. 20) Былое: памятники, некрологи, старина. 21) Новыя постановки, выставки, симфоническіе концерты, концертные вечера, любительскіе спектакли, лекціи объ искусствѣ. 22) Отчеты о сѣздахъ художественныхъ, театральныхъ, литературныхъ. 23) Свистокъ: каррикатура, сатира, пародія и юморъ. 24) Обзоръ музыкальной и художественной Москвы. 25) Библіографія. 26) Почтовый ящикъ. 27) Иллюстраціи, снимки съ картинъ, постановокъ, памятники старины, портреты дѣятелей искусства и сцены, эскизы и декораціи, шаржи, архитектурные проекты, снимки съ новыхъ зданій, автографы, музыкальныя рукописи. 28) Письма въ редакцію. 29) Объявленія.

ВЪ ЖУРНАЛЪ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ: Ю. Айхенвальдъ, А. С. Андреевскій, Евг. Аничковъ, Н. Архиповъ, проф. Ф. Д. Батюшковъ, А. А. Бахрушинъ, И. Билибинъ, М. М. Блюменталь-Тамарина, академ. П. Д. Боборыкинъ, гр. В. Н. Бобринская, К. Ф. Богаевскій, В. К. Божовскій, Эльза Валери (арт. Гамбург. театра), Д. Д. Варапаевъ, Л. М. Василевскій, М. Ведринская, акад. А. Н. Веселовскій, В. Вересаевъ, Ал. Н. Вознесенскій, Ал. Вознесенскій, В. Воиновъ, князь Сергѣй Волконскій, Dr. K. Hagemann (Hambourg), Аксель Галенъ, О. В. Гзовская, Сергѣй Глаголь, А. Грузинскій, Н. Грушецкий (Лейпцигъ), В. И. Денисовъ, М. Добужинскій, Dr. A. Dostmann (Berlin), Н. Евреинъ, В. Е. Ермиловъ, А. Журинъ, А. Л. Загаровъ, проф. Э. Зѣлинскій, Б. И. Ивинскій, А. А. Измайловъ, И. Н. Игнатовъ, А. Иернфельдъ, Н. И. Иорданскій, С. Коненковъ, М. Н. Климентова-Муромцева, К. и О. Ковальскіе, П. Коганъ, П. Кожевниковъ, Ф. Ф. Коммисаржевскій, В. П. Коломійцовъ, І. Кордесъ, В. Ф. Коршъ, академ. Н. А. Котляревскій, В. П. Кранихфельдъ, Н. Д. Красовъ, С. Кусевикъ, Б. Лебедевъ (Англія), Е. А. Ленина, М. Ликиардопуло, А. Ф. Линкъ, И. Латту, Н. Лопатинъ, Н. А. Малько, П. Н. Мамонтовъ, М. Л. Мандельштамъ, С. П. Мельгуновъ, Н. Молленгауэръ, С. А. Найденъ, М. П. Невѣдомскій, С. В. Ноаковский, Л. Никулинь, академ. Д. Н. Овсянко-Куликовскій, К. В. Орловъ, М. Орловъ, М. Осоргинъ (Италія), А. В. Оссовскій, Э. Пименова, В. М. Пичета, Г. В. Плехановъ, Т. И. Польнеръ, Н. А. Поповъ, С. Разумовскій, О. Риземанъ, приватъ-доцентъ Н. И. Романовъ, И. Рубиновъ (Нью-Йоркъ), проф. П. Н. Сакулинъ, В. Сахновскій, И. Сацъ, А. Серафимовичъ, В. Н. Соловьевъ, М. Смирновъ, А. А. Санинъ, А. А. Стаховичъ, А. Сулержицкій, князь А. И. Сумбатовъ-Южинъ, П. П. Соболевъ, Dr. L. Feuchtvanger (München), А. Таировъ, Н. И. Тимковскій, Д. И. Тихоміровъ, М. Ткачуковъ, М. М. Томашевскій, Я. Тугенхольдъ, В. М. Устиновъ, В. М. Фриче, Е. Чириковъ, приватъ-доцентъ С. К. Шамбинаго, Т. Щепкина-Куперникъ, В. Шулятиковъ, А. Яблоновскій, В. Язвичскій (Болгарія), Н. Эфросъ, Эльскій.

Цѣна отдѣльнаго экземпляра **25** коп.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: СЪ ДОСТАВКОЙ и ПЕРЕСЫЛКОЙ.

	Въ Москвѣ и С.-Петербургѣ.	Въ провинціи.	Заграницу.
на 12 мѣсяцевъ	Руб. 8.— к.	Руб. 9.— к.	Руб. 11.— к.
„ 6 „	4.— „	4.50 „	6.50 „
„ 3 „	2.— „	2.25 „	3.50 „

Подписка принимается: въ конторѣ журнала „Студія“, въ книжныхъ магазинахъ „Новое время“, въ магазинѣ „Россійскаго Музыкальнаго Издательства“, въ конторѣ Печковской (Петровскія лин.) и въ конторѣ типографіи П. П. Рябушинскаго, Путинцовскій пер., соб. домъ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ: Страстной бульваръ, д. князя Горчакова, 10 подъѣздъ, кв. № 119. Телеф. 502-19. Контора, кромѣ праздниковъ, открыта отъ 10—4 ч. дня.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ и ПОДПИСКА для С.-ПЕТЕРБУРГА: Книгоиздательство наслѣдниковъ О. Н. ПОПОВОЙ, Гороховая, 51.

Цѣна объявленій: впереди текста **70** коп. строка петита.
позади текста **50** коп. „ „

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЖУРНАЛА „СТУДІЯ“: Петербургъ, Т-во изд. дѣла и кн. торговли О. Н. Поповой, Гороховая ул., 51. Кіевъ, кн. маг. Л. Издиковскаго (Крещатикъ), Харьковъ, кн. маг. артели газетчиковъ, И. Швагина (Московская, 2). Одесса, нотный маг. Г. и О. Бальцъ, Дерибасовская, 19 и книж. маг. „Одесскихъ Новостей“, Дерибасовская, 20. Саратовъ, М. П. Ткачуковъ (конт. газ. „Саратовскій Вѣстникъ“). Севастополь, кн. маг. Е. Н. Протопоповой (близъ „Сѣверн. част.“). Н.-Новгородъ, 1) кн. маг. „Книжный музей“, 2) муз. маг. „Аккордъ“ (Б. Покровка, д. Комарскаго). Кременчугъ, Н. Михновскій (Докторская ул., д. 35). Тула, кн. маг. „Весна“ (Кіевская ул.). Екатеринославъ, Бюро періодическихъ изданій А. М. Плоткинъ и Сынъ.